МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник стихотворений и малой прозы участников Межрегионального писательского конкурса

(г. Москва, 28 ноября 2021 г.)

Москва
2021

МГОУ

Ресурсный центр русского языка

Содержание

Предисловие 3
Поэзия 4
1–4 классы 5
Сидорова Алиса 5
Филиппов Леонид 6
Шаверина Ксения 7
Чалова Софья 8
5–8классы 9
Жмурко Игнатий 9
Перелыгин Всеволод 11
Кунусова Дария 12
Минина Мария 14
Короткова Кристина 16
9–11классы и СПО 17
Жигулин Макар 17
Кондачков Максим 19
Дёмина Дарья 21
Козлова Ксения 22
Проза 23
1–4 классы 24
Пискарева Серафима 24
Иванов Лев 25
Юрцев Даниил 27
5–8классы 29
Жорникова Полина 29
Каландрини Алессандро 30
Бабичева Татьяна 34
Рыбалка Александра 37
Ахмедьярова Элина 41
Домнина Анастасия 44
Сипягин Роман 47
9–11классы и СПО 49
Гиндуллина Алина 49
Дружинин Константин 53
Малышева Анастасия 57
Мовчан Людмила 59
Сарычева Варвара 63
Сафонова Мария 66

Предисловие

Осенью 2021 года Писательский конкурс вышел на межрегиональный уровень. Это знаковое событие для Ресурсного центра русского языка, так как мероприятие, направленное на поиск и поддержку юных писателей и поэтов, в различных вариациях проводится с 2016 года. В этот раз в финале школьники Московской области, пробующие себя в поэзии и прозе, получили уникальную возможность найти единомышленников по всей России.

В этом году в сборник украсили произведения начинающих авторов Алтайского края, Бурятии, Астраханской, Вологодской, Ульяновской и Ярославской областей. Ребята попробовали себя в жанрах басни, элегии, сказки, освоили такие литературные направления как фэнтези и социальная проза. Помимо традиционных тем любви и дружбы, жизни и смерти, культуры и искусства, были затронуты экология, учёба и самореализация. Молодые авторы не боятся обращаться к предшественникам: во многих произведениях угадываются отсылки к классическим текстам русской и зарубежной литературы, а также посвящения конкретным поэтам и писателям.

Начинающим литераторам есть, куда расти. Ведь победа или призовое место в конкурсе – это всего один-единственный шаг на пути длиною в целую жизнь. Я желаю всем участникам сборника преуспеть в творчестве, выпестовать свой талант и помочь каждому из своих читателей по-особенному почувствовать этот мир.

Ширмина Анна Олеговна,
поэт, финалист Всероссийского фестиваля молодой поэзии им. Л.А. Филатова, финалист Чемпионата поэзии им. В.В. Маяковского, лауреат 16-го Всероссийского литературного форума им. Гумилёва Н.С. «Осиянное слово»

Поэзия

1–4 классы

Сидорова Алиса,
Московская область, г.о. Одинцовский

Гуттаперчевый мальчик

Метель, Метель!!! А с ней тревога…
Но не заметна всем она.
До цирка снежная дорога
Среди сугробов чуть видна.
Афиша ярко зазывает!
При входе давка, суета.
Аншлаг нечасто здесь бывает!
И он, поверьте, неспроста!
Ведь гуттаперчевый мальчишка
Заявлен в номере одном.
Там, за кулисами, парнишка
Стоит, волнуется тайком.
И вот, под рёв и крики: «Браво!»
Он оказался на шесте.
Артисту – риск, толпе – забава!
Для трюка силы, жаль, не те…
Удара звук. И на мгновенье,
Вдруг наступила тишина.
В глазах детей – недоуменье.
А чья-то жизнь обречена…
И вновь аншлаг: теперь на выход.
Толпа торопится домой.
Вокруг стоит неразбериха,
Но не метель тому виной…

Филиппов Леонид,
Московская область, г.о. Подольск

Разговор хвостом

У моей собачки Черри
Очень длинный лисий нос,
И ещё такой задорный
Говорящий с нами хвост!
Раз, два, три хвостом вильнула –
Это значит всем привет!
Ну а если разогнула,
То обычно ищет след.
Если гордо и колечком
Словно флаг на штоке хвост,
Значит скоро будет встреча
И полаем в полный рост!
Если хвост поджат под ноги
И не видно где он есть -
Нужно срочно делать ноги
И бежать спасая шерсть.
Если хвостик как метла
Заметает все следы -
Утащила со стола
Человеческой еды.
Холка встала ирокезом,
Хвост согнулся как трамплин -
Убегай отсюда резво!
Лучше к нам не подходи!
А когда летает хвостик
И как винт вращается,
Значит появились гости -
Черри наиграется!
Все движения хвоста
Наизусть я знаю,
Ведь собаки неспроста
Хвостиком виляют.

Шаверина Ксения,
Московская область, г.о. Щёлково

Незнакомый друг

Я не сплю
И, может, где-то кто-нибудь ещё не спит,
И до самого рассвета в одиночестве сидит.
Может, он переживает что-нибудь обидное?
Может, так сидит – мечтает.
Жалко, что не видно мне.
Раз ему не спится тоже, мы наверно с ним похожи.
Раз уж нам вдвоём не спится, хорошо бы подружиться.
Хорошо бы вместе, рядом любоваться на луну.
Провожать глазами звезды и открыть ещё одну.
Поболтать бы до рассвета о любви и о добре.
Вспомнить море, вспомнить лето,
Улыбнувшись на заре.
Но одна смотрю в окно я
И мечтаю лишь о том,
Чтобы все мечты о дружбе не остались только сном.

Чалова Софья,
Московская область, г.о. Жуковский

Птицы-мечты

В любимый сад
Я летом приезжаю,
В нём каждый угол,
Каждый листик знаю.
Здесь есть гамак –
Качаемся, болтаем… –
И домик маленький,
В который не влезаем.
Цветут цветы
И бабочки порхают,
Мои мечты,
Как птицы, улетают…
Мечтаю я
О сказочных мирах,
О лошадях,
Нарядах и балах.
О том, как вдруг
Меня украл пират,
Но как потом
Вернул домой назад.
Мечтаю о
Волшебном страшном замке,
Там комнат сто
И тридцать три служанки.
Но лучше всех
Мечта о водолазе
И найденном
На дне морском алмазе…
Закат потух,
Уж звёздочки блестят,
Молчит петух,
А мысли-птицы всё летят…
А утром встал –
Ещё роса на ели.
Гляжу наверх –
А птицы улетели.

5–8 классы

Жмурко Игнатий,
Московская область, г.о. Серебряные Пруды

Почему исчезают пчёлы?

Почему исчезают пчёлы?
Ещё много веков назад
Перепончатокрылые
Мёдом душистым поили своих пчелят.
Хороша та еда медвяная!
Южной Азии край хорош!
Только много семей расплодилось,
И на всех еды не найдёшь…
Так живут нынче пчёлы по миру,
Опыляя везде цветы,
И в Сибири, в Китае, в Индии
Медоносной цветы красоты.
С тех самых пор цветов по свету
Будто ветром, рассеяно множество:
Мёд и труд пчёлок маленьких
Украшают мира убожество.
Драгоценны природы памятники,
И не камни это, не море.
Живут пчёлы на всех континентах,
Только… могут исчезнуть вскоре…
Изменился климат планетный,
Наступает глобальное потепление,
Прогрессирует медленно
Пчелиных семей разрушение.
Разрушают антенны сотовых
Механизмы жизни пчелы,
Пестициды для грызунов, кажется,
Очень вредны для сборов мёдовых…
Как и люди, страдают, бедные,
От инфекций и клещей,
Поедает гнилец личинки,
Истребляя колонии пчелиных семей.

Люди, люди, опомнитесь, глупые!
Урожай ведь зависит от пчёл!
Нету пчёл – значит, нет экономики,
Нет ни хлопка, ни кофе, ни фруктов,
Нет и жизни ни у городов, ни у сёл!
И, возможно, одумались люди.
Принимают законы сейчас:
Посадить люцерну и клевер,
Уменьшать пестициды как раз!
Не завозим из-за моря пчёлок,
Чтоб болезни для них не везти.
Мировое сообщество думает,
Как проблему сию разгрести.
Вот, во Франции, к пасеке каждой
Ветлечебницы пункт прикреплён,
Календарь профилактики создан
Для пчелиных семей и внесён.
В Королевстве Британском придумали
Биороботов вместо пчелы.
И совместно с китайскими планами
Пчёлы-роботы умны и малы.
Ну, а в нашей стране, России,
Тоже много славных трудов:
Создают для пчёл заповедники,
И питомник для пчёл готов.
Люди, люди, опомнитесь, глупые!
Весь наш мир ведь зависит от пчёл!
Нету пчёл – значит, нет экономики,
Нету жизни у городов и у сёл!

Перелыгин Всеволод,
Республика Бурятия

Обман
(басня)

Учился в школе для животных домашний кот Василий,
И как-то раз там у него рассказик попросили:
«Рассказ тот, Вася, уж придумай сам, тебя на конкурс мы заявим,
А если вдруг ты победишь, то школу мы прославим».
Василий мучился весь день, а результата нет,
Но тут его пронзила мысль: «Зайду-ка в Интернет».
Кот в ГДЗ зашёл и, времени не тратя, выбрал там рассказ,
Его он быстренько списал, делов-то там на раз.
Назавтра в школу, весь светясь, явился кот Василий:
«Вот мой рассказ, он к конкурсу готов, не зря меня просили.
Я так старался, ночь не спал, но выполнил заданье
И сочинил, хоть было нелегко пройти мне это испытанье!»
Но тут пришла беда, откуда кот не ждал,
Учитель старый Котофей рассказик этот знал.
Давным-давно, три года как, давал он то заданье,
Тогда и выполнил его отличник кот Евлампий.
Так был раскрыт весь тот обман, что выдумал Василий.
Позор, насмешки и – провал! – вот результат его «усилий».

Не стройте, дети, никогда успеха на обмане,
Ведь лучшим будет тот успех, что вы достигли сами.

Кунусова Дария,
Астраханская область

Природа

Передо мной картина Левитана.
На ней пейзаж изображён.
В живой воде кружатся ненюфары,
И слышен звуков стройный хор.
Творенье это дышит тайной:
Украшен синий водоём
Ещё и серцевидными листами
Зелёных и коралловых цветов.
Растения-амфибии прекрасны!
Их корневища видят дно.
И плавают сердечки и кувшинки,
И радуют, и восхищают взор!
Художника природа вдохновляла
И одарила волшебством.
Душа его парила и летала,
А кисть трудилась над холстом.
В работе мастера – ни одного изъяна:
Растения царствуют, журчит поток.
Искусственности нет и нет обмана,
Хотя в искусстве не такой я уж знаток.
Но большего, наверно, и не надо,
Коль сердце откликается на то,
Что красотою и гармонией зовётся
И сеет в душах Божий свет, добро!
И Астрахань кувшинками богата,
Смотреть на них так хорошо!
Мне повезло здесь жить, ребята!
Свой край люблю я горячо!
Но вот беда: есть те, кто для забавы
С улыбкой на устах бездумно рвут
Цветы прекрасные – природные создания,
Отлично зная, что они умрут.
Ведь не для этого природа всё рождает,
Так верно обновляя жизни круг.
Долг человека – жить, не разрушая,
Чтоб не исчезло всё вокруг!
Всё живое на земле – дар Божий.

Мы душой любить должны
Траву с жучком, колосья в поле,
Жужжанье пчёл и все цветы!
В рассказе «Птицы» есть предупрежденье:
Нельзя природу обижать!
Иначе в ней не будет обновленья,
Начнут деревья погибать!
Мой любимый писатель Ушинский
Беречь природу призывал.
Послушайте, пожалуйста, ребята,
Чем это может обернуться для всех нас.
Когда-то в деревеньке одной малой
Цвели прекрасные сады,
Дарили людям розовые яблоки
Пурпурных слив чудесные плоды!
В ветвях деревьев птицы обитали.
Они порхали, приглашая всех:
«Дышите, люди, угощайтесь!
Щедра природа, воздух свеж!»
Но вторглось зло. И это были мальчики.
В цветущий сад они вошли,
Затем жестоко и безжалостно
Все птичьи гнёзда разорили и ушли.
Сад опустел. Не слышно звонкой трели.
Не возвратятся птицы никогда.
И гусениц прожорливое племя
Деревья оголило навсегда.
Представили ужасную картину?!
Печальная и жалкая она.
Остановите зло трудом посильным –
Стоять на страже каждого гнезда!
Природа – это общий дом.
Порядок, мир должны быть в нём!

Минина Мария,
Московская область, г.о. Щёлково

Пианино

Восемь лет оно стояло
В тихой комнатке одной,
Много раз она играла,
Удручённая тоской.

Словно два заветных друга
Понимали всё без слов…
Пианино и девчонка
Были вместе вновь и вновь.

Пусть расстроено немножко
И ему немало лет,
Но она всегда любила
Его теплый черный цвет.

Когда было ей тревожно,
То гнала все страхи прочь,
И, садясь за пианино,
Их пыталась превозмочь,

Когда было ей тоскливо,
Дождик капал за окном,
То, склонясь над пианино,
Забывала обо всем.

Когда в доме было грустно,
И она была одна,
Открывалось пианино,
Пробуждаясь ото сна.

Плавно тихо звуки лились,
Слышался печальный вальс,
И на клавиши седые
Слезы капали из глаз.

Иногда врывались гости,
Им хотелось поиграть,

Ручки детские любили
Клавиши понажимать.

Но она не позволяла
Нарушать его покой,
Тихо крышку закрывала,
Уводя гостей с собой.

День за днём она взрослела.
Пианино-милый друг
Постоянно было рядом,
Но его забрали вдруг.

Истерзали его душу,
Поломали чёрный верх,
Унесли в тот дом, где правит
Злой и жадный человек,

Пианино там исправят
И настройщика возьмут,
И уже другие руки
Снова клавиши нажмут.

А она одна осталась
И печально стало ей,
В сердце пустота ворвалась,
В доме стало холодней.

Больно-больно сердце сжалось,
В коридоре шум затих,
Но в душе навек осталось
Много звуков ей родных.

И с тех пор ей часто снился
Её добрый милый друг,
Раздавались звуки вальса,
Оживало все вкруг.

У неё под эти звуки
Мило поднималась бровь,
Пианино и девчонка
Были вместе вновь и вновь.

Короткова Кристина,
Московская область, г.о. Электросталь

К ***

Преемник гениального поэта,
Воспел ты необузданный Кавказ;
Любовью стало сердце там согрето –
В горах ты побывал ещё не раз.

Душою чист, но обществом не понят,
Терзаемый томительным огнём,
Ты в одиночества был загнан омут,
И вёл лирический дневник о нём.

И драмы, и поэзия, и проза,
Написанные в столь короткий срок, –
Прямая злому обществу угроза!
Ты смелый преподал им всем урок!

Кавказ силён и беспощадно честен,
Пороки общества неведомы ему,
Не знает он ни зависти, ни лести,
Ты верен был ему лишь одному…

Давно хотел в природе раствориться,
Нетерпеливо встречи этой ждал.
И надо ж так пророчески случиться…
Кавказ тебя навек к себе забрал…

9–11 классы и СПО

Жигулин Макар,
Вологодская область

Звёздный кот

Когда-то была легенда,
Что в космосе дремлет где-то
Таинственный Звёздный кот...
И, может, в твоих сновиденьях,
Пройтись погулять по Вселенной,
С собою он позовёт...

Проникнет сквозь окон стёкла
В сиянии лунном блёклом,
Разбудит тебя...
И в комнате, мраком пленённой,
Увидишь, как в ночи бездонной
Два жёлтых глаза глядят.

И к звёздам вы ввысь полетите
В бескрайнюю неба обитель,
Где спят облака.
Оставите грусть и тревоги,
С космической вечной дороги
На Землю взглянув свысока.

Ты сможешь погладить Большую Медведицу,
На Малом Коне по кометам проехаться,
Коснуться луны,
С светилами грозными крепко сдружиться,
На Млечном Пути средь планет очутиться,
Забыв о печалях земных...

И вмиг хорошо и легко станет в сердце,
Захочется дать всему миру погреться
Душевным теплом,

Ведь жить так чудесно
И так интересно,
Когда во Вселенной светло.

Но вскоре домой и в постель возвратишься,
За время ночного пути утомившись,
И сладко уснёшь...
А кот, помурчав, твои грёзы оставит...
Весь космос, что был, незаметно растает,
Но утром ты вспомнишь всё.

И знать будешь, что в потаённых созвездиях
Далёких, туманных, с галактикой вместе,
Об солнечный греется круг,
Волшебный, весёлый,
Вернуться готовый
Твой добрый и преданный друг.

Наверное, это легенда,
Что в космосе дремлет где-то
Таинственный Звёздный кот.
Пусть в сказку поверить сложно,
Но я буду думать, что, может,
Однажды ко мне он придёт...

Кондачков Максим,
Московская область, г.о. Чехов

Море

У кромки воды догорал силуэт человека,
Засунувшего ноги в остывающий песок,
Смотрящего на механический прибой,
Рассыпчатый, слишком смешной,
Разбивающий замерший зной.
Во второй половине дня на море лучше, чем в первой,
И Тимур это точно знал из детства,
Выходя на пляж только под вечер,
Когда смеркалось, красное яблоко солнца,
Охлопывало свой ярко-оранжевый веер,
Словно кокетливая мадам,
Улетающая ночным рейсом Москва – Амстердам,
По своим неотложным и бесконечным делам,
Но она вернется...
Ему было двадцать один,
Парочка нелепых романов за плечами,
Брошенный институт,
Постоянный абонемент бара «Elvis»,
Из которого не заберут,
Да ещё черт знает какого фитнес зала.
Речь его заросла маленькими никчёмными словечками
(Их происхождение уже вряд ли кто определит),
Обозначающими эмоцию,
Где давно потеряна логическая нить,
А косить эту речь бесполезно –
Сколько ни старайся, он упертый, подлец!
Слегка неотёсанный, в рваных джинсах,
Тимур приходил на пляж каждый вечер,
Просиживал до полуночи,
Напяливал кофту и топал к городу квартир,
Автомобильных гудков,
Доставщиков всякой всячины,
Рифм, слогов,
Рекламных цветных щитов.
Конечно, осуждающий прохожий скажет,
Что жизнь этого студента не задалась,
И, наверняка, окажется прав,

Но парень искал...
Искал нечто тонкое, нечто блестящее,
Он сам не знал, что это: вещь или материя,
Быть может даже человек,
Поможет пробить жизненно важную артерию
Его, тимуровской, бытовой рутины,
Губящей молодое тело,
Изо дня в день.
Тимур искал ключ к собственной жизни,
К заплутавшей душе,
Которая так часто плачет неглиже,
Стоя под душем.
Но к несчастью,
Отряхиваясь от песка
И осматривая причал,
Он упорно не замечал
Ключ в своём заднем кармане.

Дёмина Дарья,
Московская область, г.о. Зарайск

Безответная любовь

Как сердцу высказать себя?
Ф. Тютчев

Острое, тяжкое,
Грустное, бледное,
Долго-протяжное,
Гулко-безбрежное.
Топчется, тянется,
Хочется вырваться.
Слово не скажется,
Дело не сдвинется.
Стонется, плачется,
Чудится – верится.
В узел не свяжется,
Вертится, вертится.
Ломкое, хрупкое,
Зыбкое, тонкое,
Крайне непрочное,
Глубокозвонкое.
Стерпится, сгладится,
Свыкнется, минется.
С серым смешается,
Пеплом рассыплется.

Козлова Ксения,
Московская область, г.о. Щёлково

****

Мы являемся частью утопии,
Что с годами становится классикой.
Изменить то никто не пытается,
Да и мы не особо стараемся.
Наша жизнь, как роман Достоевского:
Что ни день, то одно наказание.
И нет цели, нет правды, нет трепета,
Нам осталось одно лишь молчание.
И молчанье для нас стало золотом,
Что уже никому не достанется.
Оскорбленья становятся нормою,
Уваженье теперь не считается.
Если ты, дорогой, только учишься,
То ты вряд ли воспринимаешься.
Взрослый – главный, подростки – проблемные.
– Жизнь не та, что была уж при Сталине, –
Говорят поколения прошлые.
А мы слушаем-удивляемся,
Злимся, плачем, порою пугаемся…
Для чего же учиться стараемся?
Изменить мы не сможем сознание,
Не свое и не то, что чурается.
Но должны мы творить и воздействовать!
Развиваться, искать что-то новое,
Говорить и писать то, что видится,
И в искусстве создать то, что чувствуешь,
А не то, что красивее кажется.…
И когда станем мы настоящими,
Мы увидим, что мир наш меняется.
Жизнь не станет главою утопии,
Если каждый из нас постарается.

Проза

1–4 классы

Пискарева Серафима,
Московская область, г.о. Щёлково

Кот Толстый Живот

Жил-был кот Толстый Живот. Сидел он на подоконнике, грелся на солнышке, и всё ему было лень. Сытно ел, сладко спал и в окошко наблюдал.

Под самым носом у кота свили своё гнёздышко молодые воробьи. Пока они таскали в клювиках веточки, листья да пух, кот лениво посапывал и хитрым глазом поглядывал: «Вот бы нежнятинкой воробьиной полакомиться! Только это же надо встать, подкрасться, поймать… Лень!» И кот дремал на солнышке дальше.

День пролетал за днём, неделя за неделей, а кот Толстый Живот всё спал да толстел. Воробьи в это время успели и гнездо свить, и яйца высидеть, и маленьких воробышков вывести.

Проснулся как-то кот Толстый Живот, а на дворе шум, гам, суматоха и чириканье со всех сторон. Повёл ушами кот, прислушался, лениво открыл один глаз. Видит кот – из гнезда его соседей выпал один птенец. Вьются воробьи вокруг птенца и не знают как ему помочь.

Обрадовался кот: «Это же делать даже ничего не надо! Только встать, подойти и съесть». Поднял кот одну лапу, вторую., потянулся, прогнулся… Нет, чувствует, не дойдёт, мешает толстый живот. Решил поползти. Пополз. Добрался кот до края подоконника – высоко, а под окном репейник разросся. Примерился Кот Толстый Живот. Шёрстку золотистую попортить колючками жалко да лапки отбить не хочется.

Вдруг видит кот, что воробьи уже придумали способ, как своего птенца в гнездо поднять. Испугался кот – вот-вот добыча из-под носа уйдёт! Прыгнул кот да в самую середину репейника угодил, еле выбрался, весь хвост колючками унизан. Пока он из куста выбирался, пока царапины зализывал и репьи из хвоста вычистить пытался, воробьи птенца спасли и в гнездо вернули.

Встал кот, встрепенулся и домой поплёлся, еле-еле на крыльцо по ступенькам вскарабкался. А дома его ждал сытный обед.

«И чего меня на подвиги потянуло?» – подумал, облизываясь, кот Толстый Живот.

А воробьи весело чирикали, смеясь над ним.

Иванов Лев,
Московская область, г.о. Королёв

Зелёная ладонь

Занятия в кружке конструирования отменили. Это Славу расстроило, и он плёлся домой, думая, что хоть погода в эту первую субботу октября радует. Проходя мимо забора соседней стройки, он остановился: внимание привлекла надпись «Привет, землянин!» и над ней отпечаток руки с шестью пальцами. Слава посмотрел на остальные каракули, покрывающие забор, и понял, что надпись выделяется и грамотностью, и четкостью нанесения – как будто она напечатана на кирпичах.

– Это ты написал? – рядом со Славой стоял пожилой мужчина. Как он подошёл, Слава не заметил – будто из воздуха появился.

– Нет. Просто интересно, чем так аккуратно написали, – ответил Слава. Подумал и добавил:

– И почему именно «землянин»?

– Как, тебе не понятно?! – воскликнул незнакомец и так закатил глаза, что Слава начал переживать, как бы человеку плохо не стало.

– Так вы хотите сказать, что это пришельцы написали? – осторожно спросил Слава. Незнакомец подошёл к стене вплотную, его нос почти касался стены.

– Интересно, очень интересно – пробормотал он, отвернулся от стены и пошёл прочь. Сделав десяток шагов, остановился, повернулся к Славе и сказал:

– Но почему же сразу пришельцы? Что это за слово такое? Пожал плечами и ушёл, уже не оборачиваясь.

Слава сделал то же самое: внимательно рассмотрел надпись. Ничего интересного не нашёл и перевёл взгляд на отпечаток. В основании ладони, между кирпичами, что-то было явно не так. Слава провел пальцами и почувствовал, что в шве кладки что-то есть. Он подцепил пальцем и достал такой же зелёный, как и надпись, металлический стержень. Покрутив стержень в руках и не найдя ничего особенного, сунул его в карман и вернулся к изучению ладони. И тут стало интересно: на пальцах и ладони были расположены ряды знаков – числа, кружки, черточки, точки и запятые. Слава показалось, что где-то он похожее видел. Даже не где-то, а дома, и очень часто! Славу охватил азарт: это какая-то загадка, её нужно разгадать! Ждать лифт не хватило терпения, и он взлетел по лестнице, вбежал в квартиру и в своей комнате начал внимательно осматриваться. Он был уверен, что где-то тут видел подобное. Прошёлся взглядом по книжным шкафам,

моделям космолётов на полках, почти собранному роботу на столе, карте на стене. Стоп, карта! А на карте – точки интересных Славе мест, а у каждой точки 14 цифр, кружок – это знак градуса, черта – знак минуты, две черты – секунды, а остальное, очевидно, доли секунд! На отпечатке были координаты! Компьютер подсказал, что заданные координат – в парке, примерно в километре от Славиного дома.

В парке Слава был через двадцать минут. Больше часа искал, сам не зная чего. Он уже начал замерзать, сунул руки в карманы и с удивлением почувствовал тепло. Стержень в кармане был тёплый. Раз тёплый – значит, внутри батарейки, раз батарейки – значит, это прибор. Но как включить? Много чего попробовал Слава, перед тем как щёлкнуть по стержню ногтем. В ответ стержень зазвенел тихонько, и такой же звон раздался из высокой травы слева. Идя на звук Слава, раздвинул траву и нашёл маленького игрушечного космонавта. И всё? Игрушка? Славе стало даже обидно, и он добавил зло:

– Это розыгрыш какой-то!

– Не расстраивайся. Это не розыгрыш, – тот же незнакомец стоял неподалёку. – Это такой способ поиска таких, как ты. Сто лет назад земляне ездили на лошадях, а сейчас у вас есть космические ракеты. Но стало слишком мало тех, кто мечтает о космосе, кто не пройдёт мимо загадки зеленой ладони. А там, далеко, мы вас очень ждём! Так что учись, Славка, старайся. Может, именно ты найдёшь способ долететь до далёких галактик!

И незнакомец помахал Славе на прощание зелёной ладонью, на которой явно было шесть пальцев.

Юрцев Даниил,
Московская область, г.о. Одинцовский

Настоящая профессия

Один раз мы с мамой делали уроки. Их было задано так много, что я не выдержал и сказал:

– А можно сделать только половину заданий, а остальную часть оставить на потом?

– Конечно можно, только половина будут двойки, – ответила она. – А будешь плохо учиться – в дворники пойдёшь.

Эту фразу мама говорила не раз, поэтому дворника я представлял как дяденьку, который плохо учился в школе, а может быть, вообще в неё не ходил. Лучшими друзьями у него были теперь метла да лопата. А вечерами, когда работа была закончена, он закрывался в своей захламлённой подсобке и плакал. Но, на самом деле, всё оказалось совсем по-другому.

Утром все жители нашего подъезда нарядно одетые спешили в школу и на работу. Местный дворник, его звали Таджидин, закончив наводить чистоту и порядок вокруг дома, собирал в большой чёрный пакет мусор из урн. Он улыбался каждому проходящему мимо него, выставляя напоказ свои белые зубы, кивал головой и говорил: «Здравствуйте». Многие здоровались в ответ. Но были и такие, которые и вовсе не замечали его.

Пока отец прогревал машину, а мама, как обычно, замешкалась в квартире, я подошёл к Таджидину и задал вопрос прямо в лоб:

– А после какого класса берут в дворники?

– Не знаю, – ответил он, – я закончил десять.

Таджидин рассказал мне, что приехал из далёкого Таджикистана. Жил он в большой семье в высокогорном кишлаке со странным названием Бардара. Когда он стал перечислять имена своих братьев и сестёр, я и половины не смог запомнить. Знаю одно, что пальцев на двух моих руках не хватило, чтобы всех посчитать. Учился в школе-интернате, потом пас овец, продавал фрукты на рынке, а шесть лет назад приехал в Россию. Нелегко, наверное, ему приходится, чтобы прокормить такую большую семью.

Когда мы ехали в машине, я спросил у отца:

– А кто будет чистить тропинки и убирать мусор, если впереди праздники и вся страна будет отдыхать?

– Думаю, дворник будет на месте, – ответил он, – у них работа по графику.

– Везёт нам.

И правда, уже в первый праздничный день я услышал, как шуршит его веник по тротуарной плитке. Ну и сложная же у него работа, – подумал я. Зимой, например, только уберёшь снег, а его опять намело. За день целые горы приходится перелопатить. Летом, конечно, полегче, но он всё равно не сидит без дела: надо и траву покосить, и песок убрать, почистить лавочки и качели и где-то подкрасить бордюры. Ежедневно мы видим чистоту и порядок вокруг нашего дома. Если подумать, то такого результата можно достичь только за счёт трудолюбия, выносливости и аккуратности. Труд людей такой профессии очень важен.

Я, конечно, ещё не определился, кем буду в будущем, но теперь точно знаю, что дворник – это настоящая профессия и относиться к ней надо с уважением.

5–8 классы

Жорникова Полина,
Республика Бурятия

Каменная черепаха (Маленькое открытие)

В школьной библиотеке сладко пахло старыми книгами, было тихо… Серёжа любил здесь оставаться после шумных уроков… Взять энциклопедию, читать про Седова, Попова… Мальчик посмотрел в окно: заснеженные ветви берёзы, старый забор вдоль школы… Серёжа вздохнул – хотелось путешествовать, открывать что-то новое в науке… а тут… Однажды тёмным зимним вечером внук подошёл к дедушке Алёше. Именно ему доверял Серёжа все свои тайны: дед был рыбаком, знал много байкальских легенд… Немножко смутившись, спросил: «Дедушка, скажи мне, как стать известным человеком?» Дедушка улыбнулся, посмотрел на внука: «Не каждому дано открыть новое в таком сложном мире... но сделать мир лучше можешь и ты… и не надо ждать… можно делать уже сейчас. Помоги кому-то, исправь что-то, подари. И мир улыбнётся тебе...». Дед помолчал и добавил: «Но скромность должна быть в каждом деле… и тебя тогда заметит каждый. Расскажу тебе одну нашу легенду.

Когда-то давным-давно жила на берегу Священного озера одна мудрая черепаха по имени Руна. Все звери и птицы ходили к ней за советом. Даже медведь частенько спрашивал у неё, как ему лучше поступить.

Однажды Руна услышала, что великие звери по воле Неба созвездиями становятся. Загордилась она: чем я не великая черепаха? И захотела тоже на небо – созвездием стать, как знатные звери. Выбрала она самую высокую скалу на Байкале и, подняв голову вверх, спросила: «Как мне попасть на небо и быть созвездием?». Ответом ей была только мёртвая тишина.

И так Руна простояла, не дождавшись ответа с небес, пока не окаменела. И до сих пор стоит, в небо смотрит – ответа ждёт».

Серёжа долго молчал, потом встал, взял пустые вёдра и побежал к колодцу за водой. Он бежал и улыбался, улыбался, представляя, как будут рады мать и бабушка. А потом они будут пить чай… просто пить чай в своём маленьком домике в сибирской деревне... ведь человек должны быть скромным, а не гордым. Только тогда он станет по-настоящему великим, добрым, радостным… и не будет холодной каменной черепахой! Это и было маленьким открытием уже большого человека!

Каландрини Алессандро,
Московская область, г.о. Долгопрудный

Приключения Пети Веткина

Часть 2. Нефритовый кубок

Летние каникулы уже начались. Папа Пети Веткина получил премию за написанную им программу. Петя спросил:

– А на что мы эти деньги потратим?

– Мы их не будем тратить, будем копить. А сами поедем отдыхать на дачу.

Но тут вмешалась мама:

– Я хочу на море! Мы уже три года на этой твоей даче!

– Да, согласен с мамой! Мне тоже надоело ездить летом на дачу, я вот очень хочу поехать в Египет, посмотреть живьем на пирамиды! А там и море для мамы! – сказал Петя.

– Ладно, в Египет, так в Египет! – быстро согласился отец.

Так и решили, все начали собирать чемоданы.

Приехало такси и увезло всё семейство на отдых.

– Вот мы уже и в аэропорту Шереметьево! Через несколько часов будем в Египте! – сказал папа маме и Пете.

Все сели в самолет. Петя Веткин впервые летел на самолете. Он вертел головой в разные стороны, всё ему было интересно: необычный вид «свысока» из иллюминатора, кнопки вызова, освещения и вентиляции на верхней панели, откидной столик, стюардессы в форменной одежде! Так что несколько часов полёта прошли быстро для него. Петин папа весь полет проспал, а мама смотрела журнал «Аэрофлот».

– Вот мы и в Египте! – воскликнул Петя, когда спускался с трапа самолета.

Опять подъехало такси и увезло московскую семейку в гостиницу.

– А вот и наш «временный дом» на эти две недели! – воскликнул папа, ставя чемоданы в уютном номере гостинцы. Все трое дружно и радостно прокричали троекратное «Ура!».

Через два дня была запланирована экскурсия в пирамиды. Петя Веткин никак не мог дождаться этого дня. Вид пирамид превзошёл все ожидания мальчика. Вблизи пирамиды выглядели ещё более величественными и просто необыкновенными!

К сожалению, экскурсовод оказался скучным. Он монотонно бубнил, и казалось, что даже не делал паузы для вдоха и выдоха! Чтобы не портить впечатления от пирамид, Петя Веткин отошёл

подальше от гида и стал рассматривать пирамиду. Вдруг его взгляд привлёк кот, который сидел в шаге от него и, как Пете показалось, пристально смотрел на него. Кот был очень красивым: серебристо-серая шерсть с тёмными пятнами, на мордочке полосы в виде буквы «М», а глаза большие и миндалевидные. Эти глаза как будто загипнотизировали мальчика. Он не мог отвести взгляда от этих выразительных нефритовых глаз.

– Здравствуй! Я – Миу! Следуй за мной!

«Откуда этот голос? Кто это сказал?» – подумал про себя Петя Веткин.

– Это я, кот Миу. Я читаю твои мысли, а ты мои! Ничего не говори, иди за мной, скоро ты всё узнаешь.

И мальчик послушно последовал за котом. Скоро они оказались внутри пирамиды Микерина, пролезая через узкие вентиляционные проходы.

И, наконец, кот остановился у входа в комнату, пропуская мальчика вперёд. Петя Веткин сделал несколько несмелых шагов, смотря себе под ноги, а потом поднял голову и замер. Перед ним сидел на троне фараон (он это понял по необычному головному убору, который носили только фараоны). Петя тут же подумал: «Ведь это же тот самый Микерин, сын Хефрена и внук Хеопса, который был добрым и мудрым правителем, в отличие от его отца и деда, которые были жестокими правителями!»

– Приветствую тебя, юный чужестранец! Всё верно! Я фараон Менкаура, по-гречески Микерин. Не удивляйся тому, что ты понимаешь меня, хотя мы говорим на разных языках. Я читаю твои мысли, так же, как и мой верный кот Миу, а ты читаешь наши! Не нужно говорить, мы тебя понимаем и так. Ты согласишься помочь мне?»

Петя Веткин собирался сразу ответить, но вспомнил, что нужно было просто подумать. Тогда он мысленно произнёс про себя: «Конечно! Я очень хочу помочь Вам. Что мне нужно сделать?»

– Сначала выслушай меня. Ты сможешь отказаться в любой момент, и Миу проведёт тебя обратно. Ты можешь снять проклятье, которое наслали на меня. Оракул сказал мне: «Проклятье уйдёт, если через 4500 лет, во время шему (засухи) в твою пирамиду явится юный чужестранец (а не египетский отрок!) и, спустившись в подземелье, прочтёт священную надпись на камне».

У Пети пронеслось в мыслях: «Я ведь не знаю египетских иероглифов, разве только некоторые из них, которые мы изучали по истории...».

Услышав Петины мысли, фараон продолжил:

«Ты единственный чужеземный отрок, который обратил внимание на моего верного кота Миу и услышал и понял его

мысли! Каждый день с начала шему (периода засухи) Миу выходил к людям и особенно подходил к юным чужеземцам, но на него или не обращали внимания, или не понимали его мыслей. А раз ты смог это сделать, то ты и есть тот, о котором вещал оракул. Тебе осталось спуститься в подземелье, куда тебя проведет Миу и попробовать прочесть священную надпись. Я повторю, что ты можешь отказаться и сразу вернуться обратно».

Петя Веткин тут же мысленно произнес: «Я попробую!»

Миу провёл мальчика в подземелье. Как и раньше, он остановился, и Петя прочитал его мысли: «Теперь ты должен пройти к камню, лежащему в центре, и прочесть то, что на нём высечено. В подземелье есть змеи, но ты не бойся, они не ядовитые».

Петя Веткин больше всего на свете боялся змей и пауков, но он заставил себя не думать об этом, чтобы Миу не прочитал его мыслей и не посчитал его трусом. Мальчик быстрым шагом подошел к камню, лежавшему на полу, и почувствовал холод на правой щиколотке – это была змея, проскользнувшая мимо. Петя чуть не вскрикнул, но он с трудом сдержал себя. Через небольшое отверстие в верхнем углу подземелья падал тусклый свет, но его было недостаточно, чтобы увидеть, что было высечено на камне. Петя Веткин вспомнил, что в кармане у него мобильный телефон, и быстро вытащил его и осветил камень. За это время ещё пару раз он ощущал холодное прикосновение змей, но старался сосредоточиться на главном – прочитать надпись. Когда яркий поток света от телефона упал на камень, мальчик увидел знак: .

Петя сразу же воскликнул:

– Да ведь это же знак «АНХ» – что значит «ЖИЗНЬ»!

И тут же перед ним появился фараон Микерин. Петя Веткин прочитал его мысли: «Благодарю тебя, благородный юный чужеземец! Ты освободил меня от проклятья! За это я вручаю тебе нефритовый кубок!»

Петя обхватил ладонями кубок и почувствовал холод камня.

Фараон продолжил: «Ты заслужил этот подарок! Держи его!»

– Держи его, Петруха, держи свой любимый мятный коктейль! – услышал мальчик голос папы.

Петя широко открыл глаза и увидел, что он на пляже, сидит на лежаке, а отец протягивает ему стакан с зеленым мятным коктейлем.

– Папа? – удивился Петя.

– А кто же? Сынок, ты, похоже перегрелся на солнце, выпей свой коктейль и иди-ка окунись ещё раз в море!

«Почудится же такое! Нельзя мне на солнце долго сидеть! Пойду купаться!» – подумал мальчик, допивая коктейль. И вдруг он увидел у лежака того самого кота Миу... Петя посмотрел коту в глаза и прочитал его мысли: « Спасибо тебе! Будь счастлив в АНХЕ !»

Петя зажмурился и снова открыл глаза. Никакого кота рядом не было.

– Скорее в море! – воскликнул Петя Веткин и с разбега бросился в воду.

Бабичева Татьяна,
Московская область, г.о. Богородский

Гадалка

Жил на Урале мальчик Паша. Ему было лет 10–11. Каждый день его был одинаковым как тот «день сурка». С утра на него кричит мама, в школе учителя кричат на Пашу, потом дома на него кричит мама за то, что на него кричат учителя…

Внешне мальчик выглядел сурово, как будто была в нём некая закалённость, но это было лишь внешнее впечатление. Внутри у мальчика был свой чудесный мир. Ему куда приятнее уходить туда, к себе. Там было всё хорошо… Никто не кричал, не ругал, любили его там!

Мальчик много думал, думал обо всём. Когда на него кричала мама, он думал: «Может, я и вправду бестолковый? Я всё понимаю, у мамы очень нервная работа. А ведь она работает, чтобы прокормить и одеть меня. Мне безумно стыдно...».

Мальчику всегда было стыдно, даже если он ничего не делал плохого. Мальчик привык ко всему этому, но за свои 10 лет он никак не смог привыкнуть, что его не любят и совершенно не уделяют ему внимания.

После школы, пока мама на работе, Паша решил погулять по городу. Мальчишка проходил мимо больницы. На больничной территории, огороженной решётчатым забором, Паша увидел мальчика своего возраста. Он показался Паше необычным.

– Привет! А почему тебя так странно постригли? – крикнул мальчик.

Мальчишка в сопровождении двух взрослых подошел к нему.

– Привет! Ты про что?

– Ну, вон же!

– А, ты про это? – усмехнулся мальчик – У меня рак. Я прохожу химиотерапию. У меня даже бровей нет. Я инопланетянин, – продолжал улыбаться мальчик.

– Ничего себе! Давно?

– Достаточно.

– Я устал, что все меня жалеют – врачи, родственники друзья... Я устал от этого.

Как вы понимаете, у Паши в душе появилась зависть. Он уже успел забыть, что у нового знакомого рак и что это очень страшно. В голове крутилась лишь одна фраза: «Много внимания вокруг меня».

– Я Паша.

– А я Костя.

– Ты всегда тут или можешь ходить домой?

– Домой? Нет, ты что?! Я всегда тут, под наблюдением врачей. Но мне можно гулять с сопровождением по понедельникам и четвергам.

– Мальчик, кто ты? Уходи отсюда! – сказали высокие люди в белых халатах.

– Пока, Костя!

– Ещё встретимся, Паш!

Пашка, задумавшись, пошёл в сторону дома. По дороге его преследовало много мыслей: рак, внимание, врачи… Но с его головы, наверное, уже никогда не выйдет «понедельник и четверг».

Сегодня мама пришла с работы пораньше, а Паша, как вы понимаете – попозже. Естественно, мама кричала, но в голове крутилось: «внимание, понедельник и четверг». Паша пошел делать уроки, но думал только об этом. Паша пошел ужинать, мысли были те же. Долго не мог уснуть мальчишка из-за этих мыслей.

Вторник и среда прошли обыкновенно и очень быстро. На уроках четвероклассник сделал бумажную оригами-гадалку. На ней было 8 вариантов ответа на загаданный вопрос: да; нет; конечно; не думаю; вряд ли; скорее нет, чем да; скорее да, чем нет.

Сразу после уроков мальчик побежал к больнице. Увидев Костю, сразу начал махать ему рукой. Врачей-сопровождающих кто-то позвал, и они отвлеклись. Костя подбежал к забору и протянул руку через него для рукопожатия.

Пожав руку, Паша спросил:

– Ну, как ты?

– Всё так же. У тебя как?

– У меня то что? – улыбнулся мальчишка. Но у меня есть кое-что для тебя.

– Правда? – в глазах Кости был виден интерес.

– Это гадалка. Она твоя.

– Гадалка? Я не умею гадать.

– Ты задаёшь вопрос и сгибаешь её столько, сколько захочешь. Когда закончишь, увидишь ответ. Давай попробуем?

– Давай.

– Будет сегодня дождь? И сгибаю, например, 8 раз... Раз, два, три... видишь? Тут написано: скорее да, чем нет.

– Можно я теперь?

– Конечно, она же твоя.

Костя взял оригами-игрушку и спросил: «Я смогу выздороветь? Буду листать 5 раз…».

Костя с нетерпением сгибал гадалку. Косте выпало «да».

– Ура!

– Ура!

– А это правда?

– Наверно. Ну ладно, я пойду.

– Спасибо ещё раз! Пока!

По дороге домой мальчик снова был как в тумане. Конечно, себе он тоже сделал гадалку. Достав её из кармана, он спросил: «будет ли у меня внимание?» На гадалке было слово «конечно». Вот только каким образом оно будет?

Когда он пришел домой, мама сказала:

– Завтра пойдешь со мной на работу.

– Зачем? – спросил сын

Мама молчала. Мальчик пошёл в комнату. Остаток дня прошёл незаметно. Паша лёг спать.

Рано утром мама подняла мальчика, и они пошли. Оказывается, мамина работа находится напротив больницы, через дорогу, её видно из окна офиса. Мама работала за компьютером, и вокруг неё было много бумажек. Мальчик непрерывно смотрел в окно. Спустя полчаса Паша увидел выходящего с территории больницы Костю. Не думая ни о чём, Паша выбежал из офиса и побежал навстречу к Косте, мама за ним. Торопясь увидеть друга, мальчик забыл обо всём... Скорость, визг тормозов, крики прохожих, мамы, Кости, которого выписали только что...

…Снимки, рентген, анализы, врачи... Паша в коме...

Паша лежал в белоснежной и до ужаса чистой палате. У него были закрыты глаза. Надежду давал только пульс на кардиомониторе. К нему постоянно приходили мама с папой, даже учительница узнала о случившемся и пришла к нему. Все плакали, им было жалко Пашу. Но кто же мог подумать, что в один день его навестит Костя. Костя зашёл в палату, ему не было страшно находиться тут. Ему было страшно оттого, что тут лежит он – его лучший друг. Конечно, они не общались всю жизнь, а нужна ли вся жизнь, если хватит недели? Мальчик стоял, как каменный. Он ничего не говорил, он молчал. Костя посмотрел на Пашу, вдруг он улыбнулся. В эту секунду, кардиомонитор показал прямую линию. Конечно, они позвали врачей, те что-то делали, мама прибежала, папа. Столько внимания...

Внимание и вправду так дорого стоит?

Рыбалка Александра,
Московская область, г.о. Пушкинский

Кузнец и странник

Жил да был в одной деревне кузнец – Петром звали. Всем людям он помощником был. Все его за это любили и уважали. Была у кузнеца и семья, да только горе случилось: умерла жена его, и остался он один с сыном. Работали они вместе, а сын заодно и кузнечному делу учился. Да вот как-то раз заехал в деревню проезжий человек. Подъехал он к дому кузнеца. Удивился кузнец – не часто к ним путники заезжали. Вышел встретить его, а тот помощи просит:

– Захромал мой конь. Будь добр, посмотри – что там да как, а коли справишься, будет у меня к тебе ещё одна просьба.

Отвёл кузнец коня в стойло, да вместе с сыном подковал его.

– Вот, готов твой конь, – говорит Пётр путнику. – Ещё не одну версту проскачет.

– Спасибо, добрый человек. Вижу, ты справился с этой работой. Есть у меня к тебе ещё одно дело.

Достал тут путник из дорожной сумки платок, а в нём предмет какой-то завёрнут.

– Есть у меня один металл необычный, доселе не опробованный. Из него можно сковать топор силы невиданной – сможешь одним взмахом дерево повалить. Скольких кузнецов я повидал, а ещё ни один за это дело не взялся. Слышал я, что ты кузнец очень опытный да искусный. Коли справишься, озолочу я тебя. Будет про тебя молва идти во все концы земли.

Почесал Пётр затылок и сказал:

– Приезжай через три дня. Выкую я тебе топор.

Долго трудился он. И так, и эдак к металлу диковинному подступался. И вот, на третий день работы, топор был готов. Вышел Пётр во двор. Стоит там дуб многолетний. Замахнулся кузнец топором и срубил дуб один разом. Поразился он такому диву, да и думает: «Не молод я, да и Ванька ещё мал. Тяжко будет нам жить, коли я слягу. А топор нам бы такой пригодился – дров хоть на целую зиму наколоть можно будет».

Взял Пётр, да и выковал ещё один топор, но из обычного металла. Принёс он его путнику, а тот и говорит:

– Спасибо, тебе, кузнец. Видать, не ошибся я в тебе. Ты – великий мастер!

Пётр попрощался с ним, даже не взяв награды. К чему им золотые горы? И топора хватит.

Прошла неделя. Заготовил кузнец дров на всю зиму. Не нарадуется он топору своему диковинному.

Но вот однажды заболел Иван. Тяжело заболел. Отец уж и знахарей всех о помощи просил, и докторов опытных из других деревень, но они лишь разводили руками и не могли найти причину столь тяжкой хвори. Целые дни мальчик в постели лежал, да слова вымолвить не мог. Ослаб совсем – не ест, не пьёт. Совсем испугался за него Пётр. Пришёл он в церковь, помолился за Ивана, да залился горькими слезами. Увидел его священник, подошёл к кузнецу, расспросил о печали его. А тот говорит:

– Одолела хворь сына моего. Никакими лекарствами его не оправить. Не знаю, что и делать!

– Грех за тобой. – Говорит священник. – Коли искупишь вину, и сын твой выздоровеет.

Понял тут Пётр, почему захворал сын его – обманул он странника того, подменил топор. Пошёл кузнец домой и думает: «Где же путника мне этого найти? Как искупить пред ним вину?»

Решил он вернуть топор, но, с кем сына оставить, не знает. Тут идёт ему навстречу приятель из соседней деревни – Степан. Подошёл он к кузнецу и говорит:

– Здравствуй, Пётр. Слышал я о твоём горе. Да вот, чем помочь, не знаю.

– Понял я, почему сын мой захворал. Нужно мне найти одного человека, проезжего, не из наших мест. Не слыхал о таком?

– Знаю, о ком говоришь ты, – ответил Степан. – Был один проезжий в нашей деревне давеча. Знаю я, куда он отправился. Да надо поспешать – говорил, что отъезжает он в края далёкие.

– Да что ты?! – взволновался Пётр. – Когда же он отъезжает?

– Дня через два.

Кузнец пригорюнился – не успеет он найти путника. А Степан говорит:

– Знаю я дорогу к тому месту, где он сейчас остановился. Раз уж сыну твоему помочь можно, отведу я тебя. А жена моя с сыном твоим побудет.

На том и порешили. Вышли они в тот же день в дорогу. Путь был не близкий, и решили тогда пойти они короткой дорогой, через лес дремучий. Зашли они в чащу, кругом темно – лучи солнца туда не проникают. Степан первым пошёл, показывая дорогу, Пётр за ним, да несёт топор за поясом. Вот вечереть стало. Вдруг видят – домик стоит в чаще, среди деревьев, а на пороге девочка маленькая плачет. Увидала она их, подбежала и говорит:

– Люди добрые, помогите. Матушка моя совсем захворала, плохо ей. Я б печь хоть растопила, да дров нет уж который день. А нарубить некому.

«Была б моя воля, помог…» – думает кузнец.

Развернулся он и сказал девочке:

– Помогу, уж так и быть.

Подошел он к сосне, что стояла рядом, да одним взмахом топора своего волшебного повалил её. Наколол Пётр дров да в дом отнёс. Девочка отблагодарила его, и пошли мужики дальше. Бредут по лесу ночь. Уж утро наступает, а они всё идут и идут.

И вот видят – невдалеке река широкая раскинулась. Подошли они к ней да призадумались. Не обойти реку, вплавь не перебраться. И вдруг услышали мужики крик, глянули: а по ней кого-то буйным потоком уносит. Кричит человек, барахтается, о помощи зовёт. А Пётр срубил топором своим дерево у реки, да перекинулось оно на другую сторону. Успели они вместе со Степаном вытащить тонущего человека. Отблагодарил тот их за спасение и, перебравшись на другой берег реки, пошли Пётр со Степаном дальше. Идут день. Снова вечер наступает. Устали совсем мужики и решили отдохнуть немного. Да вдруг из темноты окрикнул их кто-то:

– Стой, кто идёт!

Замерли Пётр и Степан. Тут же с разных сторон набежали разбойники, обступили путников. Пётр был хорошо слажен, крепок и силён. Пустил он в ход свои кулачищи – вмиг раскидал нескольких разбойников, да за топором полез, как вдруг раздался сзади крик. Обернулся Пётр и видит: Степана скрутили верёвками, нож к горлу приставили и говорит один разбойник:

– Давно мы за вами следим – видели топор твой в деле. За такое оружие и златом можно разжиться. Давай сюды его, а не то другу твоему худо будет!

«Не могу же отдать я им топор! – подумал Пётр. – Да и Степана жалко – дети малые без отца останутся».

Стоит Пётр в нерешительности, да выбор тяжёлый не может совершить: кого спасти важнее – сына или друга.

«Нет, – думает, – не Степана это вина, что я топор подменил. Не должен он пострадать за мой грех».

Бросил он топор наземь, да и говорит разбойникам:

- Забирайте топор! Только товарища моего отпустите!

Схватили топор разбойники, бросили Степана под ноги кузнецу, а сами, довольные, пошли пировать такую лёгкую добычу.

Развязал Пётр Степана, а тот в ужасе смотрит на него:

– Что же теперь делать? Как же сына твоего спасти?

Смахнул Пётр со щеки слезу и сказал:

– Сына я уже не спасу, да перед путником виноват. Нужно его найти – покаяться хочу.

С тяжёлым сердцем побрели они дальше. Долго ещё шли товарищи до деревни, о которой говорил Степан.

Уставшие, измученные тяжёлой дорогой, вошли они в деревню. Стали у людей о страннике расспрашивать. Сказали им, что тот днём раньше приехал и заночевал в одном домике на краю деревни.

Нашли Пётр со Степаном тот дом, постучали в дверь. Скрипнув, она отворилась, и увидели они путника.

Посмотрел он на Петра, да сразу узнал в нём кузнеца, что выковал ему топор. Сказал он им коротко:

– Входите.

Переступил Пётр порог дома, да тут же упал в ноги страннику.

– Простишь ли ты меня за обман? Не хотел я, право, топора себе оставлять, да не выдержал искушения – грех на душу взял. От этого и сын мой захворал. Хотел я отнести тебе топор, а отняли его разбойники. И сына не спас, и топора тебе не принёс.

Не сдержался тут Пётр, да залился горькими слезами. А странник улыбнулся, положил руку ему на плечо и говорит:

– Не этот ли топор вернуть ты мне хотел?

И вытащил он вдруг из-за спины тот самый топор, что забрали разбойники у кузнеца. Не поверил глазам своим Пётр.

– Не веришь? – говорит. – На вот, возьми, да сам проверь.

Взял Пётр топор, вышел во двор. Полено схватил побольше, поставил на пень да как рубанул! Разрубил им и полено, и пень на части. Понял Пётр, что это и есть тот самый топор, который он выковал.

– Но как же такое возможно? – взволновался Пётр, глядя на топор волшебный.

– Добрый ты человек, – сказал странник и похлопал кузнеца по плечу: людям ты помогал, хоть и времени не было, а это немалый подвиг. Добро же, ты знаешь, всегда возвращается обратно. Совершил ты, конечно, дурной поступок, но упорством и раскаяньем получил ты прощение моё. Иди домой. Возвращайся к сыну. Ждёт он тебя.

Поднял тут Пётр глаза, да снова путнику в ноги упал.

– Никогда я не забуду твоей милости. Спасибо тебе – дал ты мне урок праведный. Век тебя я помнить буду.

Хотел уже было уйти Пётр, да странник остановил его и вложил топор в его руку:

– Помни, добро всегда возвращается обратно. А топор ты можешь себе забрать. Мне он ни к чему, а тебе пригодится.

Поклонился Пётр страннику в пояс, да и отправились они со Степаном в обратный путь.

Вернулся кузнец в родную деревню, а там его уже и сын ждал. Как и сказал странник – выздоровел мальчик. Зажили кузнец с сыном лучше прежнего. А Пётр всю жизнь свою помнил странника, наказ его. И топор волшебный берёг.

Ахмедьярова Элина,
Астраханская область

Дети Солнца

(сказка)

Утреннее небо было звёздным. Там снаружи вообще всегда звёздное небо. Полный мальчик лет десяти болезненного вида, сидящий за пятой от стола учителя партой, болтал ногой и смотрел в окно на эти холодные и далекие искорки – миллионы… миллиарды различных судеб. Каждый со своими заботами и проблемами, надеждами и мечтами, началом и концом…

– Юпитер! Что нужно делать, когда заходит учитель?

– Ой, простите, Гелиос Маркович, я задумался, – мальчик виновато взглянул на своего пожилого наставника, оторвал взгляд от окна (все его товарищи уже встали со своих мест) и поднялся сам.

Вообще-то мальчик по имени Юпитер очень уважал своего учителя и сейчас был расстроен, что получил замечание.

– Всё хорошо, Петя. Здравствуйте, ребята, садитесь, начнем урок.

Гелиос Маркович, энергичный мужчина пенсионного возраста (язык не повернётся назвать его дедушкой или стариком), был из того поколения людей, которые в силу возраста прошли через многое, но сохранили при этом интеллигентность истинную, незапятнанную и безукоризненную, как старый, но идеально сидящий на нём костюм. Костюм этот Гелиос Маркович надевал на работу каждый день. Это был костюм, сшитый вручную его отцом.

День этот обещал быть самым обычным декабрьским днем. Однако тихий неуверенный стук в дверь перевернул всё с ног на голову. Юпитер-Петя об этом, конечно, ещё не знал. Медленно повернув голову от окна, он увидел, как дверь открылась и вошла она. Девочка, его ровесница. Хватило одного взгляда, чтобы Петя понял – такой красивой девочки он ещё не встречал, а от огоньков, настоящих огоньков простой радости жизни в её глазах, Петя зажмурился и отвёл взгляд.

Девочка подошла к учителю.

– Знакомьтесь, дети. Это Терра, ваша новая одноклассница. Будьте ей хорошими друзьями.

– Здравствуй, Терра! Привет, Терра! – наперебой поприветствовали ребята свою новую подругу.

Девочка улыбнулась такой искренней улыбкой, при этом случайно задержав взгляд на Пете, что мальчику снова пришлось отвернуться к

окну. Терра села за свободную парту, третью от стола Гелиоса Марковича.

Всего ребят в классе было девять. Впереди всех на первой парте сидел Меркурий, мальчик очень серьезный, однако, как и все в этом классе, добрый и доверчивый. За ним сидела красавица Венера, Терра, весельчак с огненно-рыжей копной волос Марс, Юпитер, неразлучное трио друзей Сатурн, Уран и Нептун и, наконец, самый юный во всем классе – малыш-Плутон.

Дни в жизни ребят всегда были похожи один на другой. В школе–приюте, где они жили, в основу воспитания ставили строгий распорядок дня. И только уроки Гелиоса Марковича запоминались им яркими красками, он был их солнцем, а они его детьми. Детьми солнца, как любил называть их с улыбкой старый учитель.

День летел за днём. Терра легко вписалась в компанию, и ребята в свободные минуты весело проводили время. Задумчивый и молчаливый Петя стеснялся заговорить с Террой, но всегда громче всех смеялся над её шутками.

В один из последних дней уходящего года Гелиос Маркович, желая устроить детям настоящий праздник, спросил, какая у них мечта, чего бы они хотели больше всего на свете. Дети молчали, задумавшись. Такие вопросы, а особенно ответы на них, вообще тяжело им давались в силу их особенностей. Первой ответила Терра, поразив до глубины души своего учителя.

– Гелиос Маркович, я бы хотела быть как все, как они, как звёзды за окном. Одной из миллионов судеб, обычным человеком… жить с папой и мамой… ходить на работу. Смотреть на этот мир изнутри, а не из окна школы.

Ребята согласно закивали, а Петя смущенно подмигнул Терре. Гелиос Маркович же был счастлив, лучшего подарка на Новый год он и представить себе не мог.

И вот, наконец, наступил долгожданный день – 31 декабря. Ребята были в таком предвкушении предстоящих событий, новых, неизвестных, что буквально не могли усидеть на месте. Такими Гелиос Маркович их ещё не видел.

Этот день определённо стал самым счастливым в жизни ребят. Кажется, они побывали везде, увидели столько нового: катались на коньках, ели всякие вкусности, даже видели настоящий снег и самого настоящего Деда Мороза! А Петя к концу вечера держал Терру за руку и не отпускал её, как самое дорогое сокровище на свете.

Дети улыбались каждому проходящему мимо, с такой искренностью, как могут улыбаться только они. И тому, кто был занят только собой, и даже тому, кто брезгливо отводил взгляд при виде ребят. Каждой из этих звезд, сколь бесконечно яркой внешне, столь же пустой внутри. В тот вечер они просто радовались этой

возможности – быть рядом, быть среди звезд. Они были счастливы, такие же дети, как и все, Дети солнца.

P. S. Ежегодно в России рождается две тысячи детей с синдромом Дауна. По данным Центра лечебной педагогики Москвы, 40% из них умирают на первом году жизни. До взрослого возраста доживает только каждый десятый. Хотя при хорошем уходе они могли бы жить в среднем 40-60 лет. В России к таким людям всегда относились с подозрением и неприятием. От них шарахаются, на них показывают пальцем. Слово «даун» уже давно стало распространённым оскорблением. 85% родителей, узнав, что у них родился ребенок с синдромом Дауна, отказываются от него ещё в роддоме. Давайте помнить, что на чудеса способны мы все, каждый из нас может подарить другому новогоднюю сказку. И для этого не нужно быть волшебником или миллионером, нужно просто найти в своём сердце немного доброты для тех, кто нас окружает.

Домнина Анастасия,
Вологодская область

Керосиновая лампа

Утро в деревне начинается рано. С пением петухов робкие лучи солнца заглядывают к Жене в окно. Они крадутся по подушке, а потом и по щеке девочки. Соседские собаки лают, приветствуя кого-то, и Женя окончательно понимает, что проснулась. Лето – её любимое время года! Время каникул, путешествий и новых открытий.

Наспех позавтракав, Женя сообщила бабушке, что отправляется на поиски сокровищ, и скрылась за дверями. Бабушка успела лишь улыбнуться ей вслед. За последние дня четыре восьмилетняя девчонка уже обследовала дедушкин гараж, сеновал и одну кладовую в доме. Впереди была ещё одна кладовая, огромного размера сарай и чердак – самое таинственное место в доме. Вот туда она сегодня и отправится!

Забраться на крышу оказалось не так просто. Лестница вдруг стала очень длинной, крутой и не совсем устойчивой. С каждой новой ступенькой расстояние до земли заметно увеличивалось, сердце билось быстрее, но Женя не сдавалась. На чердаке, куда ей одной подниматься было запрещено, точно хранилось что-то старинное и очень дорогое.

Забралась! На двери маленький замок. В голове пронеслась мысль: «Неужели напрасно!?» Но нет, он висел лишь для видимости и не был закрыт. Женя быстро оглянулась, вокруг никого. Дверь тяжело заскрипела, как будто потревожили её глубокий сон, который длился пару лет. Девочка на цыпочках зашла в эту таинственную комнату.

Дверь Женя оставила открытой. Солнечный свет рассеял полумрак, и чувство страха заметно уменьшилось. Под самой крышей висели сухие веники, справа валялись старые колеса от маленького велосипеда, чуть дальше друг на друге лежали стопки каких-то журналов. Женя стряхнула с верхнего толстый слой пыли, перевернула несколько страниц. Картинок не было. Ничего интересного. Детские игрушки, наверное папины, ванна для купания, пара чемоданов странного вида.

Девочка присела на один из чемоданов и ещё раз обвела взглядом весь чердак. Ни-че-го. Женя вглядывалась в самый дальний и самый темный угол, надеясь найти что-то еще. Она сделала несколько шагов и наткнулась на ящик. Точнее не ящик, а сундук. Аккуратно открыла крышку и заглянула внутрь. Сундук оказался почти пустой. В нём лежали два тканых половичка и какой-то непонятный предмет. Женя взяла его в руки и пошла к свету.

Предмет был девочке не знаком. Он был похож на домик маленькой феи, а для чего был нужен на самом деле, Женя не понимала. На сокровище это точно было не похоже.

– Женя! Же-е-е-ня! – кричала внизу бабушка.
– Бабуль, я здесь!
– Да где же? Где ты? Куда ты снова забралась? Женя!
– Я на крыше, ба! На чердаке. Ты только не ругайся! Я домик феи нашла, представляешь!
– Какой домик? Как ты будешь спускаться?

Бабушка позвала на помощь деда. Дед никогда не ругался на внучку, мог немного поворчать, не более. Вот и на этот раз он что-то бубнил себе под нос, помогая Жене слезть вниз. Обратный путь оказался сложнее, и домик важно было не разбить.

Усевшись на крыльце, Женя рассматривала новый предмет. На металлической подставке находилась стеклянная колба причудливой формы, зауженная кверху.

– Что это, бабуль?
– Лампа керосиновая, – бабушка, улыбаясь, смотрела на девочку.
– Лампа??? – глаза Жени округлились от удивления. – Керосиновая лампа? Это как? Зачем? Для чего?

Посыпались вопросы один за другим, бабушка не успевала на них отвечать.

Женя решила, что лампу она непременно увезёт с собой в город. К вечеру пыльная керосинка заняла почётное место в центре кухонного стола. Девочка облокотилась на край и молча смотрела на домик феи. В её голове рождалась история про маленькую жительницу лампы. Наверное, лампа сменила не одного хозяина и многое повидала на своем веку. Вряд ли она была нужна своим хозяевам, но почему-то её не выбросили. Керосинка потемнела от времени, приуныла. Но Женя была уверена, что фея непременно живёт в ней.

Бабушка присела к Жене, а дед заправил керосиновую лампу и зажёг её. Слабый огонек появился за стеклом. От мягкого жёлтого света стало так тепло. Освещение было непривычным, огромные тени закружились по стенам. Огонёк менял форму и яркость. Три пары глаз просто любовались театром теней. Зрелище было завораживающее!

Никуда не хотелось торопиться, бежать. Так и сидели втроём, обнявшись. Смотрели на тёплый свет. А на тёмном потолке появилось жёлтое пятно, словно живая луна закатилась в дом. Сказка!

В сентябре Женя пошла в третий класс. Дома на её столе почётное место занимала керосиновая лампа, начищенная до блеска. Девочка точно знала, что в ней живёт маленькая фея – хозяйка керосинки.

Иногда в домике феи зажигался огонёк. На потолке появлялась живая луна. Четыре пары глаз любовались театром теней. Четыре сердца наполнялись радостью и теплотой. Как важен был свет, который дарила всем вокруг хозяйка старой керосиновой лампы.

Сипягин Роман,
Алтайский край

Воспоминание из детства

На улице сгущались безмолвные сумерки, и через открытое окно потянуло прохладой. В квартире стало темно, но включить электрический свет я не мог, потому что, попав в автомобильную аварию, вот уже несколько месяцев не вставал с постели. И весь мой мир стал ограничен пространством комнаты. Больше всего мне бы сейчас хотелось прогуляться по вечерним улицам, окунуться в мир природы, притронуться к листикам на деревьях, ощутить босыми ногами мягкость зелёной травы, но я изолирован от всего и всех в одной из клеток многоэтажек, и только из раскрытого окна доносятся редкие вскрики разбегающихся по домам ребятишек.

А ведь и я когда-то был ребёнком. Сейчас, находясь в замкнутом пространстве душной тёмной комнаты, с трудом вспоминаю себя непоседливым, вечно пребывающим в движении ребёнком. Одно за другим выплывают из забвения события детства. И беспощадная память приносит образ одноклассницы Вики. Вот мы всей гурьбой бежим в парк после уроков, но её с собой не берём. Вот идём навещать заболевшую учительницу, но Вику опять с собой не берём. Да что там говорить, с ней за одной партой сидеть никто не хотел. И вещи в гардеробе рядом не вешали. А дело было в том, что девочка эта родилась с неполноценными руками, от этого она не могла есть в столовой аккуратно и следить за своей опрятностью, жила она со старой слеповатой бабушкой, которая тоже не могла обеспечить должный уход за внучкой. Мы, одноклассники, её дразнили, учителя понимали, что высокой успеваемости от неё не добиться, и давно махнули на неё рукой. Между тем Вика, лишенная возможности рисовать и нормально писать, много читала и всегда готова была прийти любому человеку на помощь. Зная об этом, я, однажды придя в школу без подготовленного домашнего задания из-за того, что весь день накануне проиграл в футбол с соседскими ребятами, попросил Вику напомнить мне рассказ, который все должны были прочитать к сегодняшнему дню, и она, обрадовавшись вниманию к себе, подробно пересказала весь текст. Благодаря этому я благополучно получил четвёрку. А в конце учебного дня я подошел к Вике, сидевшей на лавочке, сделал вид, что благодарю её за помощь и положил ей на колени шоколадку. Она заулыбалась, но снять фантик самой ей было сложно, тогда дружок мой Витька сдёрнул обёртку, а внутри был мусор, который испачкал Викино платье. Мы, видя растерянность и

слёзы в глазах одноклассницы, зная, что самостоятельно очистить платье она не сможет, довольные шуткой, побежали домой.

Вскоре после этого случая Викина бабушка сильно заболела, и какой-то дальний родственник увёз их в другой город. И я совсем ничего не знаю о судьбе Вики. И от этого горько на душе. Боль, причинённая детскими воспоминаниями, так сильна, что я на какое-то время даже забыл о физической боли, которая сопровождает меня теперь ежеминутно с момента аварии. Но самое жгучее желание у меня сейчас – вернуться в детство. И не потому, что там я был здоров, а потому что Вика там была одинока и беспомощна. С каким бы рвением я защищал её от любого, кто осмелился бы обидеть! С каким старанием отблагодарил бы по-настоящему за оказанную помощь!

Жаль, что, только пройдя через испытания, я смог переоценить жизненные ценности. Теперь я знаю, что нельзя обижать людей (а тем более детей), только потому, что они отличаются от всех остальных.

9–11 классы и СПО

Гиндуллина Алина,
Московская область, г.о. Жуковский

Банки

– Мам, – робко позвала я. – Поговорить хочу.

– Некогда мне, – прокряхтела мама. Она закручивала закаткой пёструю крышку, на которой были нарисованы красные томаты, хотя содержимым банки был приторный вишнёвый компот.

– Мам, серьёзно…

– Помоги лучше… – она туго закрутила крышку и поставила банку вверх дном. – Ух, слава Богу!

Я сидела, свесив ноги с печи, будто вот-вот и была готова спрыгнуть. Мама же устроилась на полу маленькой кухни, босая и одетая в футболку отца, которую называла «рабочей». Было жарко, но не из-за печи: лето на дворе. Жарко от всех этих кипящих кастрюль на газовой плите. В печи давно не готовили, бабушка говорила, что от сильного жара и «чёрт задОхнется». Было жарко от банок (мне так казалось), над которыми дрожало марево раскалённого воздуха, а вёдра с колодезной водой запотели, как очки, если на них подышать, открыв рот буквой «о».

– Какая польза здесь от этих тоненьких ручек? – на кухне появилась бабушка, и я открыла было рот, чтобы сказать о том, что мне нужно хоть с кем-то серьёзно поговорить, но меня перебили.

– Городские, тьфу! – звук «г» у неё был глухим, потому он походил больше на «гх». – Надо было тебе, Люд, за деревенского выходить. Всё детство прожила здесь, а потом «программист, программист». Говорила я тебе, Люд, что странные люди эти ваши программисты, – нравоучительно сказала она и поставила небольшое ведро, полное свежих огурцов. Только с огорода.

Я спрыгнула с печи, банки завибрировали и застучали друг о друга.

– Тишь ты! Зачем меня пугаешь так, дуру старую! – бабушка хохотнула, я же взяла огурец и надкусила.

– Фу, – я сморщилась, на языке появилась горечь.

– Горькие?

– Только на концах, – я хотела выплюнуть, но всё же проглотила. – Я где-то слышала, что если огурцы горькие, то у них стресс был из-за неправильного ухода.

– Ишь те, стресс. Даже у огурцов! Слышала, Люд?

– Как же, – отозвалась мама. – Из-за кротов это, видела норки их в огороде. А то стресс… Дурь говОришь, – в речи мамы проскользнул белорусский говор.

– Може, и из-за кротов, – бабушка тяжело опустилась на табурет. – Внуча, в коридоре канистра с керосином стоит, иди залей его в норы.

Моё лицо вытянулось, а надкушенный огурец застыл у рта.

– Всё ясно с тобой, – цокнула бабушка. – Никакой пользы от этих внучек.

– Только книги допоздна на печи читает, – мама скривилась, как я несколько секунд назад из-за горького огурца.

– Убивать не буду, – сухо отрезала я. – Можно же и по-другому их прогнать.

– Ещё в живых этих гадов оставлять? Не надобно мне таких соседей.

– Можно из жестяных банок отпугиватель сделать. Они шума боятся.

– Може, ещё какой ерунды придумаешь? Не глуми мне голову, – бабушка махнула рукой, отгоняя назойливую муху.

Меня сегодня явно никто слушать не собирался.

– Сходи лучше к бабе Марфе, а то она одичала уже, одна живше, а мож, и помёрла … – бабушка притаилась и подняла руку, муха села на стол – и ладонь с громким хлопком ударила по клеёнке.

– Кто её знаить? – она стряхнула трупик на пол.

***

Баба, или старуха Марфа, была самым древним жителем деревни. Я ничего толком про неё не знала. Помню только, что раньше, когда я была помладше, встречала её на улице.

Бывало, идёшь с бабушкой на другой конец деревни, чтобы пригнать своих коров домой с общего пастбища, а навстречу с корявой палкой вместо трости идёт баба Марфа. Маленькая такая старуха, идёт, будто размышляет о чём-то, и, наверное, есть о чём. Столько лет прожить – узнать чуть ли не все законы вселенной.

Идёт еле-еле, а ты уже готовишься сказать «здравствуйте». В деревне нет устава, что с незнакомцами говорить нельзя, все друг друга знают. Знают, чья ты дочь, как звать и «откудава ты». А ты лишь улыбаешься, а когда шёпотом спрашиваешь маму или бабушку, кто это, то получаешь укоризненное: «Не помнишь, что ли? Ты маленькая с её козами играла», – а в ответ ты говоришь: «А, точно», – просто, чтобы стыдно не было за то, что не помнишь.

И вот, когда, наконец, поравняешься с Марфой, бабушка останавливается и спрашивает, как она поживает, и в ответ мрачное: «Чёрт всё в жёны не берет», – и слабый старческий смех. А глаза такие грустные, но цепкие и зоркие, замечают твой любопытный взгляд на себе. Смотришь, и будто от молчаливого разговора наших взглядов мудрости набираешься.

– Устала Марфа жить, – как-то сказала бабушка, когда мы снова повстречались со старухой. – Не житие, а мУченье. Всех уже похоронила, а себя никак не может. Не берёт чёрт её.

– В жёны? – тихо спросила я. Бабушкины слова ещё надолго засели в моей голове, создавая внутри меня ком тревоги, холода и непонимания.

Я шла в молчании. За спиной отдавался тяжестью рюкзак, куда сложила бабушка гостинцы, а в руках несла банку парного молока. В голове я обдумывала, что скажу старухе Марфе. Помнит ли она меня? Маленькую девочку, которая всякий раз разглядывала её с нескрываемым любопытством.

Я свернула с главной дороги на тропку, которая вела к воротам дома старухи. Прошла по скрипучему мостику над глубокой канавой. Открыла такие же скрипучие ворота, просунув руку сквозь доски, чтобы вытащить железный крюк из петельки. Банка молока чуть не выскользнула из рук, но я смогла её удержать.

Войдя в ворота, осмотрела ветхий домик. Маленький, бревенчатый, одноэтажный, сейчас таких не строят. На окнах были резные наличники, резная причелина, тесовая крыша, а наверху охлупень в виде коня. От этого домика становилось так хорошо и уютно на душе. Веяло от него чем-то родным.

Я ступила на небольшое крыльцо, доски доброжелательно заскрипели. Постучала в дверь. Тишина. Постучала ещё раз, и за дверью раздалось еле слышное и встревоженное: «Ась?»

Я осторожно толкнула дверь, она тихо отворилась, и я зашла в небольшую комнатку с печью, деревянным столом и уже современной кроватью рядом с ним. В доме пахло травами, которые были развешаны возле окон.

Дверь захлопнулась, и я неловко улыбнулась старухе Марфе, которая разглядывала меня, сидя на кровати.

– Здравствуйте.

– Ась? – видно, с возрастом её слух ухудшился.

– Говорю «здравствуйте», – отчеканила я громко. – Я от бабы Иры. Внучка её.

– А-а-а, – поняв, протянула старуха. – Проходи, шош стоишь-то.

Скинув кроссовки и оставив их у порога, подошла к столу.

– Это вам, – я поставила банку молока.

– Зорькино молочко-то?

– Не, баб Марф, бабушка её два года назад как продала.

– Ась?

– Зорькино, Зорькино, – мне было лень повторять. Я сняла рюкзак и достала гостинцы: печенье, баночку варенья, черный и белый хлеб и какие-то крупы.

Старуха не смотрела на то, что я достаю из недр рюкзака. Она смотрела на меня, видимо, пытаясь вспомнить, кто я. Я чувствовала её цепкий взгляд на себе.

– Внуча, приоткрой оконце. Душно мне.

– Сейчас, – я подошла к окошку и после пары неудачных попыток смогла его открыть, толкнув створки от себя.

– Как поживаете, баб Марф? – спросила я, ожидая тот самый ответ. Почему-то мне хотелось услышать именно его.

– Чёрт свататься приходил, – она хрипло рассмеялась. По спине пробежали мурашки, волосы на затылки зашевелились от ужаса. – ГовОрит, что пора под венец идти, а я ему говОрю, что, как я пойду, раз чуть ли не ползаю, карга старая, – голос у неё был хриплый, но весёлый. И это никак не клеилось с тем, что она говорила.

Я обернулась к ней:

– А не боитесь за чёрта-то идти?

– А чиво бояться? Давно пора, тяжко мне, старой, – она смотрела на меня внимательно, я смотрела в ответ. Смотрела в её старческие глаза, в которых не читалось страха – читалась только та же многолетняя мудрость, как и тогда, когда я смотрела на неё, будучи непонятливым ребёнком. Ребёнком, который стремился познать всё. – А ты чего бледная, как смерть с косой? НеУжели боишься её?

– Нет, – я всё так же стояла у окна. Из-за Марфы во мне проснулась радость. Радость, что меня слышат, хоть, может, и не очень чётко. И проснулась тревога, давно бушующая во мне и не дающая покоя. – Зачем держаться за жизнь, если смерть неизбежна?

– Тебе, молодой, держаться надо. Это мне держаться поздно, да и не могу уже. Я своё передержала и Отжила. Теперь твоё время, – она поглядела мне за спину, будто там кто-то стоял. – Не надо держаться за старое, прошлое, за новое надо. А моё «новое» уже давно старое.

Я молчала.

– За жизнь держися и отнимать её не смей, – Марфа отвернулась. – Налей-ка мне молочка, внуча.

***

Банки мелодично стучали под порывами ветра. Я сидела на лавке под яблоней, прячась от солнца, и наблюдала за тем, как покачивались и шумели банки, отпугивая кротов. Спустя четыре дня я с трудом смогла уговорить бабушку попробовать этот способ, без убийств. Пришлось спрятать керосин, чтобы она точно согласилась.

– Пойдём, – позвал голос бабушки, и я обернулась. На морщинистом лице промелькнула скорбь.

Я поднялась, взяла четыре срезанные в саду гвоздики и одёрнула чёрную юбку.

Дружинин Константин,
Астраханская область

4 часа

20:42

Какая-то очень знакомая и незатейливая, но весьма актуальная фраза крутится на уме. «Пять минут – это много или мало?» Ах, как верно сейчас звучат и эти слова, и приятный мотив легендарной песенки! В девять вечера, когда пытаешься выдавить из себя хоть одну дельную мысль, это, конечно, чрезвычайно мало. Они прошли, пока я писал вторую фразу. Куда дольше они тянутся, когда смотришь на пульсирующую надпись «набирает сообщение…» или перед обедом. Это всё примитивные утверждения. Да, не отрицаю. Тем интереснее об этом размышлять.

21:14

Признаюсь, я слукавил с первым указанием времени. Не помню, во сколько точно сел за клавиатуру. Но мы ведь вечно врём о времени, верно? «Ещё пару минуточек», «часик-другой и всё», «на неделе встретимся» и прочее, прочее, прочее. Почему так?

Я понимаю, что природа этой лжи может быть разной и что тезис выходит очень грубый, но, в конечном счёте, всё сводится к одному – ко времени. Мы бесконечно опаздываем, переносим, отменяем, забываем и летим куда-то, лишь бы не потерять драгоценные секундочки. Обманываем себя, чтобы казалось, что времени больше, и врём другим, чтобы они не считали, что потратят на нас слишком много своих минут. Звучит, будто все люди ужасные лгуны. Но про время мы, пожалуй, врём машинально, порой и просто ошибаемся. Часы хоть и существуют уже довольно давно и висят на каждом столбе, но человек превосходно игнорирует их. Боится, наверное.

К слову, обещаю закончить писать к часу.

21:50

«Как песок сквозь пальцы…» Пусть и звучит красиво, но к описанию времени мало подходит. Песка навалом: вышел во двор да набрал побольше. А вот песочницу со временем ещё попробуй найти. Хорошую аналогию трудно подобрать, слишком уж абстрактно это

понятие. Может, я просто мало думал. Ну нет у меня на это времени, надо успеть дописать!

А опоздания и нехватка «драгоценнейшего из ресурсов» – вообще самая главная проблема современности. Я недавно посмотрел фильм «Со мною вот что происходит». Превосходная картина, давно просмотр кино не заканчивался у меня такой истерикой. Помимо прочих психологических ужасов, которые пытаются довести зрителя до ручки (вполне успешно, к слову), есть в этом фильме интересная деталь. Время в нём – едва ли не центральный герой. Персонажи опаздывают абсолютно везде, бесконечно жалеют о потраченных годах жизни и надеются, что дальше – лучше. Они будто шли-шли куда-то, потом взглянули на часы, а на циферблате надпись: «Куда идёшь-то?» Теперь неважно уже. Всё равно никуда не придёшь. Если немного поразмышлять, потом посмотреть под иным углом, можно увидеть и другие слова: «Иди скорей куда надо, пока не опоздал, время есть». Что-то из этого точно ложь, но не решусь сказать, что именно. А часики странные, тут не поспоришь.

22:24

Хотел написать «22:22», но решил не врать. Этот абзац начат в 22:24. Если хотите, это его дата рождения. До финальной версии ему ещё предстоит пройти жесточайшую редактуру, его искромсают и переворотят, изменят до неузнаваемости. Но ровно в 22:24 появилось его первое предложение. Сейчас он ещё не закончен, но в конце концов он сложится во что-то стоящее, я верю в это. Может, к 22:50, а может, к 3:33. Вот Абзацу и стукнуло 10 минут.

23:09

Нет, я закончил Абзац не 45 минут назад. Просто отходил выпить чаю. Жалею ли я о потраченном академическом часе? Я отнял у себя же драгоценные минуты сна, при этом ни написав ни строчки. Ужас же. Но я выпил чаю! Съел три восхитительные мандаринки и послушал музыку. Стоило ли оно того? Я рационально распределяю время? Закончу ли я до часу ночи? «Да кто ж его знает!» – один ответ на все эти вопросы.

Если я от чего и устал, так это от постоянных мыслей о том, всё ли я успеваю. «Не забудь поработать сегодня над тем проектом, который нужно сдать через 18 месяцев! И так до ночи сидишь? Ну и что?! Лучше раньше, чем позже» – да-да, глубокоуважаемый Я, это правда. «Ты точно укладываешься в срок? Может, сегодня снова в ночь посидишь, а?» – Угу, посижу. При этом голос, который шепчет другое, никуда не девается. «А помнишь тот шикарный альбом? Давай

послушаем!» – конечно, послушаем, я ж его обожаю. «В прокате экранизация любимой книги! Ты знаешь, что делать» – уже забронировал билеты. Почему-то нас не предупреждают, что законы мироздания делают попытки быть хорошим во всём и при этом не попрощаться с собственной личностью, интересами и здоровьем, настолько тяжёлыми.

В английском есть замечательное слово «deadline». Если дословно, то «линия смерти», то есть срок, в который надо успеть закончить работу. Удивительно, насколько точно оно отражает чувство нехватки времени. Можешь хоть галопом бежать от той самой линии – дальше она не станет.

Но всё-таки на изначальный вопрос я отвечу. Жалею ли я о потраченном времени? Нет. Совершенно точно нет. Мандарины правда были очень вкусные.

23:43

Теперь нужно как-то закончить. Есть желание написать что-то впечатляющее, закончить на сильной ноте. Чтобы мои прапраправнуки, прочтя этот сумбур, закрыли отрытый в пещерах файл, но думали о нём весь оставшийся день. Чтобы время прошло, а кто-то в далёком 2343 году изучал архивы прошлых веков и подумал, что не так уж и бесталанны были дети три столетия назад. Творчество даёт бессмертие, так ведь? «Рукописи не горят» и прочие чужие мысли это подтверждают.

Кстати, Ахматова в одной из своих поэм писала: «Смерти нет – это всем известно». Обожаю эту строчку. Почему все знали, а я оставался в неведении? Страх, утрата, боль – есть, а смерти – нет, и я это упустил?! Ирония здесь вовсе не потому, что я ненавижу серебряный век русской поэзии, а потому, что меня эта строчка правда задела. Часы не остановить, они тикают и тикают без умолку с начла времён. Всё что мы можем – это собраться вокруг них с теми, кого любим, и ловить каждый ход маятника, слушать каждое «ку-ку», как в детстве. Но какой-то «тик-так» может стать последним для каждого, кто сидит у часов. И если это не так, значит я вообще ничего не понимаю. Ведь именно конечность жизни и делает её ценной, да? Если печатать много денег, они станут ничем, так и со временем. Так ведь?

0:38

Вот и конец. Вы потратили на чтение этого текста какое-то время, да? Жалеете? Надеюсь, что нет. Мы подобрались к той самой сильной ноте, о которой я говорил чуть ранее. Просто нужно ещё чуть-чуть подождать. Это эндшпиль, крещендо, самый настоящий большой

финал. Каждая потраченная мной минута совершенно точно стоила того, чтобы закончить именно сейчас.

0:42

Малышева Анастасия,
Ярославская область

Тишина в библиотеке

2014 год. Библиотека в населённом пункте города N. Первый день августа, ярко светит солнце. Во дворе детвора играет в прятки и догонялки. Все веселятся и радуются последнему беззаботному летнему месяцу.

В нашем посёлке стоит небольшая, но довольно уютная библиотека, в которую по вечерам, когда уже холодает, частенько заглядывают ребятишки со двора. Той самой скромной компанией: три девчонки и один мальчик десяти-одиннадцати лет. Саня, Ксеня, Олечка и Илюша. Конечно, не читать книжки, а листать журнальчики с картинками, хохотать и разглядывать комиксы.

Придя в библиотеку, друзья рассаживаются за большим овальным столом и занимаются своими делами.

За всей этой картиной наблюдает Антонина Александровна – библиотекарь и по совместительству – прекрасная женщина, отлично ладящая с детьми. И чаем напоит, и мультики включит, даже в догонялки согласится поиграть. Чудо, а не библиотекарь!

Ребята очень любят и ценят Антонину Александровну, считают её своей родной тётей. Каждый день навещают с пакетиком зелёного чая и молочной шоколадкой «Алёнка» с орешками, которую она так любит.

Антонина Александровна всегда говорила: «Вот придут мои маленькие друзья, и тут же расцветёт моя скромная библиотека, оживёт и наполнится детским смехом».

А ведь так и случалось, часов в восемь вечера прибегали ребятишки с игрушками, и этот детский звонкий хохот заполнял стены здания. «Прекрасное время!» – говорила Антонина Александровна.

Вместе с ребятами она чувствовала себя снова юной, снова в том беззаботном, наполненном счастьем и наивностью возрасте.

Дети назвали её Тоня, ей и самой так больше нравилось.

Как-то раз, в середине августа, ребята, собравшись вечером во дворе неподалёку от библиотеки, стали размышлять, что же подарить любимой Тоне на день рождения. Началась продолжительная дискуссия. Саня предложила собрать много-много полевых цветов, обвязать их ленточкой и вручить Антонине Александровне. Илюша, не дав договорить, перебил Сашку и с возмущением сказал: «Цветы завянут, и на память ничего не останется!» Тогда было решено дарить

то, что запомнится надолго и что навсегда останется у Тони. Ребята довольные разошлись по домам.

На следующий день Ксеня принесла из дома огромный плакат формата А2, наклейки, фломастеры, декоративный скотч и баночку клея «ПВА». Друзья собрались около лавочки в сквере и начали творить. Спустя два с лишним часа шедевр был окончен.

На переднем плане ребята изобразили библиотеку, рядом с ней нарисовали счастливую Антонину Александровну с кружкой её любимого зелёного чая, а рядышком приклеили свои портреты. По всему плакату дети красиво рассыпали блёстки, чтобы картина получилась ярче и эффектней. Сверху в центре плаката дети подписали: «С днём рождения, наша родная Тоня!»

Довольные своей работой, Саша, Ксеня, Оля и Илюша рванули в ближайший продуктовый магазин, чтобы купить ту самую «Алёнку» с орешками...

Наступило 20 августа. Вечереет. Время навещать Тоню и вручать ей общий презент.

Детишки прибегают к дверям библиотеки и, врываясь внутрь, мчатся к Антонине с криками: «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!!!» Здание снова мгновенно наполняется детским смехом и криком.

Поначалу Тоня опешила и немного испугалась, а когда поняла, что это примчалась её маленькая «банда», чуть не расплакалась от счастья. Прослезившись, обняв и расцеловав всех по очереди, Тоня усадила ребят за овальный стол и заварила всем ароматный чай. Весь вечер они провели вместе, играли, пели песни, танцевали, рисовали, смеялись, ели вкусности, а потом вместе по окончании рабочего дня библиотеки направились по домам.

По дороге домой Тоне вдруг стало грустно: ведь совсем скоро закончится лето, и детишки не будут навещать её каждый день, как прежде.

«...»

Прошло несколько лет. Лето девятнадцатого года. Во дворах слышен хохот уже совсем других ребят. Всё изменилось. Те бандиты, что, казалось бы, недавно бегали с плакатом и собирали гербарий, уже ходят степенно и важно за ручку со своими вторыми половниками мимо той самой родной библиотеки, в которой всё так же сидит Антонина Александровна, а на стене висит плакат, подаренный когда-то ребятами. Увидев в окошке Тоню, ребята по-прежнему радостно приветствуют её, машут руками, кивают головой, ласково улыбаются

Только в стенах библиотеки, вместо того звонкого и радостного смеха детей, теперь таится тишина.

Мовчан Людмила,
Ульяновская область

Синяк

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Р. М., по своему обыкновению, подошел к стоящему в спальне трюмо и побледнел от увиденного. Прямо по центру лба чернел огромный синяк – размером с пятирублевую монету.

«Как же это оно так? – недоумевал господин, бледнея все сильнее с каждой секундой. – Неужто от яблока меня этак угораздило?» Такого недоразумения на своём лице Р. М. допустить не мог: все-таки он городской человек, ходит на службу по одной из самых людных улиц города, а это, надо сказать, ко многому обязывает.

Итак, наскоро умывшись, господин вернулся к трюмо и стал перебирать все известные ему способы маскировки синяков. К слову, «все известные» – это громко сказано, ведь Р. М. слышал лишь о чудодейственных силах льда и косметики. Последний вариант отпал сразу, в связи с чем наш герой зашагал на кухню, прямиком к морозильной камере. Достав пару кубиков льда из формочек, он обернул их в накрахмаленное кухонное полотенце и аккуратно приложил к месту ушиба, до которого было ужасно больно дотрагиваться. Теперь прилежный горожанин на десять минут был вынужден стать одноруким, и в таком некомфортном положении ему предстояло варить себе кофе. Он со скрипом отворил нижнюю дверцу кухонного шкафа и, неловко нагнувшись, достал оттуда турку, латунную ложечку, молотый кофе, сахар и соль. Смешав все ингредиенты в необходимых пропорциях и поставив кофеварку на конфорку газовой плиты, Р. М. направился обратно в комнату к платяному шкафу. Он распахнул тяжелую дверцу и привычным движением свободной руки (правой) снял вешалку с выглаженным классическим костюмом. Подойдя к кровати, Р. М. принялся одеваться, только вот проделать ежеутренний ритуал в нынешних условиях было весьма и весьма затруднительно. С грехом пополам господин натянул брюки, застегнул пуговицы рубашки и, перекладывая полотенце с подтаявшим льдом из одной руки в другую, надел пиджак. Времени пришлось затратить на пару-тройку минут больше обычного, что его совсем не радовало. А красный галстук, чинно висевший на резной спинке стула, Р. М. решил завязать после того, как избавится от мешающего полотенца. Он подошёл к зеркалу, положил повязку на столик трюмо. К сожалению, синяк нисколько не изменился: всё такой же большой и иссиня-красный, зато боль

несколько уменьшилась. Впрочем, на большее господин и не надеялся.

Вдруг громкое шипение донеслось откуда-то с кухни. Быстро сообразив, в чём дело, Р. М. побежал к плите, огибая крутые повороты стены коридора. Кипящий кофе своими внезапными и обильными всплесками полностью потушил огонь конфорки и здорово залил плиту. «Ох… совсем забылся, дурак!»

Да, много неприятных сюрпризов принесло сегодняшнее утро. Убежавший кофе, лишнее время, затраченное на сборы и уборку плиты, испорченная внешность, в конце концов! Кстати, о внешности. У Р. М. был один из тех типов лица, которые никогда не откладываются в памяти по той причине, что попросту не имеют никаких примечательных черт, за которые можно было бы зацепиться. Кто-то называет такой типаж невзрачным, а кто-то даёт ему звучное определение «правильные черты лица». Р. М. относился ко второй группе и жутко гордился своим лицом. Цвету его глаз и волос тоже нельзя было дать четкого определения: не светлые и не темные, не яркие и не тусклые. То же самое проявлялось во всём остальном, что было связано с Р. М.: в росте, весе, походке, речи, новизне костюма, обстановке комнат…

Сейчас, за полчаса до начала рабочего дня, господин, наконец, смог приступить к завтраку. Испорченный кофе был полностью компенсирован дивным умеренно-сладким вкусом мягких бельгийских вафель, которые Р. М. всегда ел на завтрак с огромным аппетитом. В руках он держал свежую газету, которую читал скорее по привычке, чем из интереса, ведь её содержание он забывал почти сразу после прочтения.

На стене, прямо напротив стола, висела репродукция одной популярной, но довольно странной, как казалось Р. М., картины. На ней был изображен человек, ничем не примечательный горожанин, одетый в костюм и котелок. А на месте его лица вдруг почему-то оказалось зеленое яблоко – только левый глаз загадочно выглядывал из-под нависшего плода. Картина эта очень смешила нашего героя, да и не особенно ему нравилась. «Это ведь совсем не про меня и мне не близко. С чего бы она должна мне нравится?»

Позавтракав, Р. М. пошёл обратно в комнату затем, чтобы завершить свой костюм красным галстуком, оставленным на стуле. Он вновь подошёл к зеркалу, чтобы как можно аккуратнее завязать важную деталь костюма. С обрядовой точностью проведя это таинство, господин не без удовольствия осмотрел в отражении свой безупречно сидящий костюм. Обычно он любил перед самым выходом из дома посмотреть на себя в зеркало, медленно переводя взгляд от костюма на своё лицо и обратно, при этом отмечая то, как здорово идёт костюм к его лицу и какое гармоничное сочетание они в

итоге образуют. Но этот раз явно был исключением. Синяк просто-напросто выбил всё из колеи!

«Глупые, невоспитанные мальчишки!.. Кинуть яблоком в приличного человека! Всё испортили!»

Мальчишки? Кинули яблоко? Ах да, прелюбопытная история! Дело было вчера. Прохладный пасмурный августовский вечер. Солнце только-только собиралось садиться за горизонт. Р. М., закутавшись в пиджак своего костюма, как обычно, возвращался домой со службы по дороге, ведущей через набережную. Он любил иногда остановиться, прислонясь к низкому гранитному бортику, и смотреть на кроткие волны Северного моря. Но для него морская вода ни в коем случае не была романтическим образом, не отсылала к меланхоличным элегиям, не наталкивала на мысли о высоком. Волны были похожи на помехи черно-белого телевизора, стоящего у него в рабочем кабинете. Р. М. очень любил смотреть этот телевизор.

Внезапно до Р. М. стали доноситься громкие реплики мальчишек: радостные, недовольные, восторженные и обиженные звонкие голоса, сливающиеся в один крик, который по мере приближения к нему и набережной возрастал всё сильнее. Господин обернулся. Слишком уж заинтересовал его шум, доносящийся сзади. На небольшом участке, начинавшимся сразу после вымощенной дороги набережной, среди многолетних яблоневых деревьев резвились мальчишки. Их было не больше шести, все они были примерно одинакового возраста: семи–восьми лет. Ребята играли в мяч, только вот мяч был какой-то странный – зелёный и даже будто бы не совсем круглый. Эта игра, а точнее предмет, который мальчики перекидывали друг другу, несколько заинтересовала Р. М., и он решил подойти ближе. Присмотревшись, он разглядел в необычном мяче крупное зеленое яблоко, которое дети, вероятно, сорвали с одного из растущих неподалёку деревьев. Процесс наблюдения за игрой так увлёк нашего героя, что тот не замечал ничего вокруг. Не заметил он и того, что находился прямо посередине дороги, из-за чего на него нередко падали косые взгляды редких прохожих.

И вот он замер. Стоящий человек в черном костюме, белой рубашке и красном галстуке. Образ лаконично завершает шляпа-котелок. Прилежный горожанин остановился посреди улицы и наблюдает игру маленьких мальчиков. Позади – стена, море и пасмурное небо. До чего странная картина!

Неудачный бросок – промах – стремительно летящее яблоко попадает прямо в лоб Р. М., который и глазом моргнуть не успел! От сильного и неожиданного удара у господина отлетела шляпа, а сам он попятился назад. «Какой позор!» – промелькнуло у него в голове. Он стыдливо нагнулся, чтобы поднять головной убор, и поспешил покинуть сцену такого некрасивого происшествия. К нему тут же

подбежали мальчики, и один из них, видимо тот самый «меткий» игрок, начал горячей скороговоркой просить прощения у атакованного яблоком человека и клясться в чистоте своей совести. «Мы не специально… правда… извините нас, пожалуйста, если сможете… я ничего такого не хотел…». Но господин ничего не отвечал на это, и только ускорил шаг. Он не помнил, как добрался до дома…

Но вернёмся в момент, в котором мы оставили уже отмеченного синяком Р. М. Он отошёл от любимого спального трюмо. Теперь же господин стоял перед другим зеркалом, что висело около входной двери на кухне, и надевал ту самую черную шляпу-котелок. Он уже был готов покинуть дом, но вдруг обернулся и посмотрел на полотно художника, имени которого не знал. «До чего странная картина!» – подумал Р. М. и вышел из квартиры.

Сарычева Варвара,
Московская область, г.о. Зарайск

На набережной Эльбы

Город Дрезден. 1871 год. Конец июня. Молодая женщина в шляпе из белой итальянской соломы, с розами и длинными чёрными бархатными лентами, спускающимися по плечам, гуляет по набережной Эльбы. Она гуляет со своей дочкой, маленькой прелестной девочкой, одетой в лёгкое белое льняное платьице с шёлковыми вставками, с белым шёлковым пояском в виде бата, сшитое так, что до мельчайших деталей повторяет наряд мамы. Девочка громко кричит, смеётся, пытается убежать от мамы, что очень забавляет её отца. Он сидит на лавочке недалеко от них. Это уже не молодой мужчина, ему около пятидесяти лет. Выглядит он солидно: свободно откинулся на спинку скамьи, положил ногу на ногу, в руках держит томик нежно любимого Диккенса «Лавка древностей». Но он почему-то не читает – тёплый июньский ветерок шелестит страницами книги. От реки веет свежестью, солнце играет бликами на воде...

Они с женой очень полюбили Дрезден за его особую тишину, английские парки, прекрасные сады, за картинную галерею и, конечно же, за то, что этот город подарил им её, дочку. Это событие сделало мужчину по-настоящему счастливым. Он сам пеленал, купал, кормил, убаюкивал малышку. Особенно ему нравилось, что Люба начинала подпевать ему, как только он запоёт:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!

Звонкий голосок девочки… Ласковый голос жены, зовущей дочь по имени: «Любочка!», «Боже, царя храни!» … Звуки этого дня как-то вдруг перемешались в нём, стали наплывать один на другой. Ему стало даже душно, он попробовал ослабить ворот рубашки. Со стороны показалось бы, что мужчина что-то пытается рассмотреть на блестящей глади реки. Глаза его были открыты, но мысли его были сейчас далеки отсюда…

«Сашенька! Милый мой ангел! Куда ты убежала от меня! Зачем ты пошла с мальчиками к пруду!» – мягко звучал голос матери, Марии Фёдоровны. Она запыхалась, пока искала младшую дочь. Хотела уже выругаться на Федю и Андрея за беспечность, но те кинулись к

маменьке, наперебой показывая улов. Чумазые, босые! Не отличишь от крестьянских ребятишек, которые всегда были вместе с барскими. Играли в одни игры. Ну как тут заругаться? Напротив, она была так благодарна своему супругу, Михаилу Андреевичу, за приобретённую небольшую усадебку. Пускай худородные земли, пускай всего одиннадцать бедных крестьянских дворов. А их господский дом! Это же всего лишь маленький, плетнёвый, связанный глиною флигелёк из трёх комнат. Но как сюда тянет! С ранней весны Мария Фёдоровна проводила здесь лето с детьми. Сама же и велела выкопать пруд. Волю хозяйки исполнили и рыбу в него запустили. Теперь Андрея и Фёдора оттуда не выманишь! Но матушка позвала мальчиков на пироги, которые собирались есть к чаю на веранде у дома.

Конец июня. 1835 год. Село Даровое. Посреди веранды большой стол, накрытый белой скатертью. Все приборы устанавливаются вокруг пузатого блестящего самовара. На столе вазочки с первым цветочным мёдом. Он жёлтый, тянется на ложечке, когда его пытаешься зачерпнуть. Такого же золотистого цвета липовое варенье, но в нём плавают цветки липы. Андрей и Федя на днях бегали в любимую липовую рощу и помогали женщинам обрывать липовый цвет. Пчёлы гудели в густой душистой кроне деревьев.

Липовое варенье… Липовый чай… Липовая роща… Очень чётко это всё вспомнилось сейчас солидному человеку на набережной Эльбы в Дрездене. Но какие-то резкие звуки выдернули его из мира сна, мира детства. Чьи-то голоса заставили его вздрогнуть. Возле него стояли две русские дамы и громко выражали восторг его талантом, называли его великим и даже гениальным писателем. Он рассеянно кивал головой в ответ, уклоняясь от знакомства. У одной из поклонниц была в руках кукла, женщины просили разрешения подарить игрушку Любочке. «Да, да, конечно», – невнятно произнес писатель. Было видно, что сейчас он думает совершенно о другом. Они отошли, а он начал озираться по сторонам, как будто искал только что увиденные образы. Набежал ветер, но мужчина попытался его как будто отстранить от себя, пробуя задержать видения прошлого…

…После чая мальчишки бегут через берёзовый лес, Брыково, набегу раздают пироги крестьянским детям – выпросили у матушки на угощенье. Местность вся изрыта оврагами, а вот и самый крутой из них – Лоск. В нём прохладно даже жарким июньским днём. Но здесь припрятано сокровенное: луки, стрелы, палки, головные украшения из перьев. Сейчас будет игра в диких! Краски сегодня не захватили, значит придётся раскрасить лицо землёй. Андрей и Федя теперь вожди краснокожих. С гиканьем и улюлюканьем они мчатся теперь по знакомым обрывам к вигваму, сделанному из веток. Был ли в тот момент кто-либо на земле более счастлив, чем они?.. Выбежали из

рощи. Оказались недалеко от старого кладбища. Там одиноко стояла часовня. Решено завтра совершить «набег» на неё – деревенские рассказывали жуткие истории, связанные с ней. А ночью братья долго не смогут уснуть. Запахи, звуки, впечатления дня будут тревожить их детские души. Вот Сашенька чему-то улыбается во сне, а по щеке Феденьки бежит слеза. Приснилось…

…Писатель медленно утёр слезу со щеки, провёл рукой по окладистой бороде и уверенным голосом крикнул жене:

– Аня, милая, мы возвращаемся домой!

– Да, Фёдор Михайлович, только словлю эту непоседу Любочку!

– Ты не поняла меня, друг мой. Мы возвращаемся в Россию.

5 июля 1871 года. Фёдор Михайлович Достоевский с семьей выехал из Дрездена в Берлин, а оттуда пересел на поезд, отходивший в Петербург.

Сафонова Мария,
Московская область, г.о. Дубна

Чумной доктор

В тот день, когда он вошёл в город, в Ровиго загорелись первые костры, и густой чёрный смог поднялся в красное закатное небо.

Его нарекли Чумным доктором, и никто не слышал его имени и не видел его лица.

Он появился в Ровиго на закате, стуча своею тяжелой тростью по мостовой.

– Не к добру эти костры, – проворчал старый похоронщик, закуривая свою трубку. – Ох, не к добру...

Старик, сидевший на главной площади, смотрел в горящий костёр и думал о чём-то. Он глубоко погрузился в свои мысли и даже не услышал стук трости.

– Синьор, не подскажете ли вы мне, в каком городе я нахожусь? – услышал он скрипучий голос.

Старик вздрогнул. Обернувшись, он увидел птичью голову с большими стеклянными глазами, в которых отражался дрожащий огонь.

– Что? – переспросил похоронщик, вынимая изо рта трубку.

– В каком я городе?

– Вы в Ровиго, синьор.

– А есть ли в Ровиго больные чумой?

– Есть, как и во всей Италии.

Старый похоронщик затянулся, выдохнул кольцо дыма и вернулся к своим мыслям.

– Спасибо, синьор, не смею вас больше беспокоить, – загадочный незнакомец поклонился и дотронулся до полей кожаной шляпы.

– Вы уж постарайтесь, – проворчал похоронщик, вновь обращая свой взор к костру.

В ту ночь странный господин в птичьей маске вошёл в дом одинокой синьоры, что последние несколько дней мучилась от лихорадки. Он дал ей душистых трав, и синьоре полегчало.

– Носите это при себе, – сказал, уходя, господин, – здесь розмарин и ладан. Это спасает от чумы.

На следующий день незнакомец в чёрном кожаном плаще постучал своей тростью в дом богатого синьора, чья дочь страдала от чумы. Никто так и не узнал, что сделал с ней загадочный человек, но вскоре синьорине стало лучше.

– Как вас зовут, синьор? – спросил его хозяин дома, утирая счастливые слезы. – Как я могу вас отблагодарить?

– Я не нуждаюсь в благодарностях, – отвечал незнакомец и вдруг, ухмыльнувшись, добавил, – звать меня не надо, синьор, я приду сам, когда в вашем доме появится чума.

– Как ваше имя?

– Зовите меня Чумным доктором.

Так по Ровиго разнеслась молва о Чумном докторе. Заслышав стук его трости, родные больных выходили на улицы: одни благодарили за помощь, другие её просили…

Но ни одна живая душа в Ровиго не знала, откуда Чумной доктор родом, и разве что ленивый ни разу не рассказал сплетни о человеке в чёрном кожаном плаще и белой птичьей маске.

– Не нравится мне всё это, – сказал однажды всё тот же старый похоронщик, сидя на главной площади Ровиго. – Ой, как не нравится...

– С чего бы это, синьор? – спросил у него появившийся из густого смога Чумной доктор.

– Тёмный вы человек, – проворчал старик, заботливо прочищая свою пенковую трубку. – Никто не знает о вас ничего, да все почему-то вам верят. А ведь в телеге, что я сегодня утром гнал на кладбище, лежала та синьора, которую вы вылечили.

Пожилой синьор посмотрел на Доктора, прикурил трубку и, прищурившись, проговорил:

– А всё ж таки Бог прибрал её к себе.

– Пути Господни неисповедимы, синьор, – произнёс Доктор, учтиво кланяясь. – А я, с вашего позволения, пойду. В Ровиго всё ещё слишком много больных. Если вы не возражаете, я и завтра приду на это место, как только разожгут костёр.

С той поры старый похоронщик и Чумной доктор каждый вечер встречались на главной площади города.

А время шло, и молодая синьорина из богатого дома тоже умерла. Её отец вновь обливался слезами, закрывая её потухшие голубые глаза. Но теперь это были слёзы горечи, а не счастья.

– Вы же вылечили девушку, синьор, – старый похоронщик не удержался и проронил слезу. – Так почему же я сегодняшним днём хоронил её?

– Не все болезни можно вылечить, мой милый друг, – незнакомец окинул взглядом костёр, в котором горели душистые травы. – Так и её оказалось невозможным спасти.

Дома пустели, похоронщики рисовали мелом на дверях белые кресты, а странный синьор в птичьей маске гулял по городу, снова и снова заходя и в богатые, и в бедные дома Ровиго...

– Не дело вы, синьор, делаете, – сказал однажды старик, пыхтя своей трубкой. – Все, кого вы врачевали, умирают. Вы никого не лечите, только болезнь переносите. Скоро в Ровиго не останется ни одного живого человека.

– Люди сами себя заражают, я тут ни при чём, – строго проговорил Чумной доктор. – А впрочем, вам, синьор, лучше радоваться: у вас есть работа, и вы остаётесь в достатке.

– Я был бы счастлив, не будь у меня работы, – похоронщик тяжело закашлялся.

– Вы благородный человек, вам это воздастся.

Наутро старый похоронщик уже не смог подняться с кровати. Тем же днём на пороге его дома появился человек в птичьей маске.

– Не смейте меня лечить, сеньор, – прошептал старик, – мои дни сочтены, и я хотел бы умереть сам.

– Я не смог бы вас вылечить, как бы ни старался, – с трудом произнёс Чумной доктор, садясь рядом с постелью умирающего. – Бог зовёт вас к себе, синьор, а я не властен над Ним.

– Разве вы, милый мой, не властны над чумой? – еле слышно спросил старый похоронщик.

– Между вами и другими больными лежит огромная пропасть, – покачал головой Доктор. – Та одинокая синьора была слишком алчной. Не было в городе ни одного торговца, которого бы она не обманула. Я вылечил её тело, но душа её навсегда осталась больна, и я забрал её себе. Молодая синьорина давно уж не была синьориной: до брака она возлежала с мужчинами. Я вылечил её тело, но душа её была больна, а потому я забрал её себе. Италия грешна, и спасти всех от чумы я не способен. Разврат – вот настоящая чума, убивающая Ровиго.

– Вы бредите, синьор, – глухо рассмеялся старик. – Разве я не безгрешен? И раз моя душа чиста, почему же вы её забираете?

– Я отдаю её Богу, – грустно улыбнулся человек в птичьей маске. – Вы мне всегда были симпатичны, синьор, и я сделаю для вас всё, что в моих силах. Поверьте, ваша смерть станет быстрой и безболезненной.

– И всё-таки вы не доктор, – глухо проговорил старый похоронщик и громко закашлялся. – Кто же вы, синьор?

– У меня много имён, – ответил Чумной доктор, вставая. – Я готов исполнить вашу последнюю волю. Желайте.

– Последнюю волю? – синьор широко улыбнулся. – Будь по-вашему. Моя последняя воля такова: покажите мне своё лицо.

Чумной доктор тяжело вздохнул и приподнял маску. Старый похоронщик увидел старые, гнилые зубы и обтянутый череп, а дальше…

– Захороните его отдельно, не в братской могиле, – попросил синьор в кожаном плаще, давая молодому похоронщику вдвое больше денег, чем это того стоило. – Он был достойным человеком.

Господина в птичьей маске называли Чумным доктором, и каждый знал его имя, и каждый боялся оказаться перед его лицом.

Сборник стихотворений и малой прозы

участников

Межрегионального писательского конкурса

(г. Москва, 28 ноября 2021 г.)

Электронное издание Ресурсного центра русского языка

Московского государственного областного университета

МГОУ

Ресурсный центр русского языка